

Анна
Каренина
Вариант ХХІ века

ЛЮДМИЛА КОТЛЯРОВА
ВЛАДИМИР ГУРВИЧ

**Владимир Гурвич
Людмила Котлярова
Анна Каренина.
Вариант ХХІ века**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21205044
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;
ISBN 978-1-387-68465-6*

Аннотация

Роман Льва Толстого «Анна Каренина» – один из самых известных и популярных в мире. Написанный во второй половине XIX столетия он целиком и полностью вписан в эту эпоху. Герои произведения ведут себя, мыслят в полном соответствии с тем временем, в котором живут. Авторы романа «Анна Каренина. Вариант ХХІ века» решили поставить творческий эксперимент – перенести героев повествования в ХХІ век. За прошедший период многое изменилось в мире. Большинство из тех проблем, которые решали персонажи Толстого, были либо решены временем, либо кардинально переформатированы. Зато появились новые. Как сложатся судьбы и отношения между действующими лицами книги в этих принципиально иных условиях?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
I	5
II	10
III	13
IV	17
V	25
VI	32
VII	37
VIII	43
IX	46
X	53
XI	59
XII	64
XIII	71
XIV	76
XV	79
XVI	84
XVII	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Людмила Котлярова,
Владимир Гурвич
Анна Каренина.
Вариант ХХІ века**

*Более же всего имейте усердную любовь друг ко
другу, потому
что любовь покрывает множество грехов
Апостол Петр*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастна семья, несчастна по-своему. Все смешалось в доме Облонских. А началось с того, что однажды за завтраком Долли сказала мужу, что хорошо бы найти няню для детей. У нее уже не хватает сил следить за потомством, заниматься домом, так как в последнее время стало подводить здоровье. Врачи рекомендуют больше отдыхать и меньше заниматься делами. А еще лучше отправиться подлечиться на курорт.

Степан Облонский или как звали его друзья Стива, при упоминании о курорте аж закричал. Он сразу же подумал, что если отправить жену на курорт, а она поедет только за границу в престижное место, придется выложить значительную часть средств, которые у них есть, а с этим совсем не густо. Это означает отказ от немалого числа житейских радостей. А жизнь и так не сладкая, с деньгами туго. И где их взять, пока неизвестно. А вот на счет няни... Стива задумался. Конечно, это тоже весьма недешевое удовольствие, но Долли права, ей нужна помощница. В свое время они как-то не очень думали, как управиться со всей этой оравой, делая детей. Уж слишком были захвачены самим процессом. Во-

общее-то он был не то, что против, но ему вполне бы хватило и одного ребенка. Но вот Долли приспичило иметь большое потомство; едва они поженились, как она заявила ему, что желает иметь многодетную семью. Стива тогда подумал, что это блажь с возрастом у нее пройдет. А вот нет, как-то незаметно появился целый выводок.

Конечно же, детей он любил. Но сильного желания заниматься ими не испытывал. И свалил всю заботу о них на жену. Сначала Долли хотела работать, но тогда ему бы пришлось часть труда по воспитанию своих чад взять на себя. Но это означало отказаться от многих приятных забав, и он убедил супругу оставить службу и посвятить всю себя потомству. Но вскоре почувствовал, что эта мера имела и обратные стороны, денег в семье стало меньше. Иногда не хватало на самое необходимое. А отказывать себе в чем-то он не привык. Но теперь ему придется пойти на некоторое самоограничение, со вдохом подумал он. Долли слишком устает, ей нужен щадящий режим. Но как сделать так, чтобы и няню нанять и чтобы себя в расходах урезать как можно меньше?

Мысль пришла к нему внезапно, он вдруг вспомнил, как один из его знакомых говорил ему, что не может нарадоваться на нанятую им няню для своих двух отпрысков. Платит он ей не так уж и много, а работает она добросовестно. А все потому, что эта няня – филиппинка. Их там специально готовят к такой работе, учат, как надо вести себя в иностранных семьях. Не случайно, что домработницы из Филиппин

пользуются популярностью и в Соединенных Штатах, и Европе. В таком случае, почему бы ему не воспользоваться их услугами?

Тогда о своей идее он не стал рассказывать жене – мало ли как она отнесется к такой экзотической прислуге. Решил поставить ее перед свершившимся фактом. А сам занялся поиском няни.

Дело оказалось совсем не сложным, по Интернету нашел рекрутинговое бюро, которое поставляло такой персонал. По телефону договорился о встрече и поехал туда, рассказал о своих требованиях к прислуге. Ему обещали позвонить. И через два дня выполнили обещание.

Стиве представили их будущую няню. Звали ее вполне цивилизовано – Мария Облена. Маленького роста, но хорошо сложенная, с соблазнительной грудью под белоснежно чистой кофточкой, с завязанным сзади хвостом из черных волос. По-русски она говорила очень плохо, немного умела еще по-английски, на этой смеси языков они и стали объясняться.

К своему удивлению уже через десять минут Стива возжелал ее. Он даже удивился возникшему желанию. Но потом подумал и понял, что оно по-своему закономерно; восточных женщин у него еще не было. А они говорят очень страстные, ни чета соотечественницам.

Долли такому выбору мужа удивилась, но когда узнала, сколько придется ей платить, больше не стала возражать.

Экономия и при том значительная была очевидна.

Филиппинка понравилась всем: и взрослым, и детям. Она была вежливая, аккуратная, чистоплотная, исполнительная, ела, что ей давали, никогда не капризничала. Конечно, было не просто изъясняться, но, в конце концов, всякий раз стороны как-то понимали друг друга. Стива даже однажды разговорился с ней. Из их беседы он понял, что она не замужем и не была замужем. А заработанные деньги переводит родителям, так как у нее в семье еще пятеро братьев и сестер. У него сразу родилась мысль, что с помощью небольших подарков, денежных подношений сумеет завоевать ее благосклонность. К тому же ему показалось, что она с женским интересом смотрела на его статную высокую фигуру. Стоит ли этому удивляться, она хоть и филиппинка, но все же женщина. А значит, без мужчины ей тоже несладко, особенно при ее темпераменте. На счет этого Стива заранее почитал в Интернете, после чего его желание попробовать на зуб этот заморский фрукт только возросло.

Приступ филиппинской твердыни продолжался два месяца. Он бы завершился быстрее, но девушка может, и хотела, но явно боялась уступить хозяину. То ли смущалась, то ли не желала рисковать своим положением. Но все же однажды он проявил настойчивость, и она сдалась.

К разочарованию Стивы секс с ней мало отличался от секса с другими женщинами, какой-то особенной филиппинской страстью она его не попотчевала. Зато было очень удоб-

но, не надо было никуда бежать, тратиться на дорожные гостиницы.

Это-то его и подвело. Он утратил бдительность, Однажды Долли вернулась раньше, чем обещала. Это был момент самого разгара секса, и ни он, ни она не слышали, как хлопнула дверь. Долли вошла в комнату няни, чтобы отдать ей распоряжение, и застала красноречивую сцену. С громким криком она выбежала из нее.

II

Стива сидел в своем кабинете, не решаясь показать из него даже носа. Его смущению не было предела, он просто не знал, куда себя девать. То вскакивал с кресла, намереваясь куда-то идти, то снова садился в него. Никогда он еще не был в подобной ситуации. Что же теперь будет? Развод? Но это так хлопотно, придется делить имущество, и в первую очередь их пятикомнатную квартиру. Но что же в таком случае достанется ему, учитывая, что все дети останутся с матерью? В лучшем случае однокомнатная хибара, а то еще хуже – всего лишь комната. От этой ужасной мысли Стиве стало так нехорошо, что он застонал.

И как он мог так опростоволоситься, через какое-то время снова побежала, как ток по проводам, горестная мысль? Сколько изменял жене – и все сходило с рук. А тут решил полакомиться экзотическим блюдом, а заодно и малость сэкономить – и попался, как мальчишка, застигнутый за некрасивым деянием. И теперь он во всем виноват. А, собственно, в чем? Он, здоровый, сильный мужчина, которому постоянно нужны женщины, в противном случае длительное воздержание приводит у него к развитию депрессии. Конечно, есть жена, но чего скрывать, он давно не питает к ней каких-то страстных чувств. Частые роды не самым лучшим образом сказались на ее фигуре. И лечь с ней в постель – далеко

не самое большое удовольствие в жизни. Да и вообще, это был брак скорее по расчету, чем по любви. Да они неплохо ладили, но ведь этого мало. В жизни должна присутствовать страсть, без нее все становится пресным и не вкусным, как не досоленный суп. А он не может питаться только такой пищей. Чтобы чувствовать, что он живет полноценно, ему постоянно требуется хорошая приправа.

Оно-то все это так, да вот что делать дальше? Попробовать пойти к Долли и объяснить. Ему точно было известно, что она догадывается об его шашнях на стороне. Но до сих пор у нее не было доказательств, и она либо мирилась с этим, либо гнала от себя, словно назойливую кошку, такие мысли. Что, если подумать, по большому счету одно и то же. Но теперь уже все ясно, его застукали с этой филиппиной прямо на месте преступления.

На минуту у него возникла мысль о том, а что будет с няней? Но она, как появилась, так и исчезла, в крайнем случае, найдет для работы другую семью. Что будет с ним, вот в чем вопрос?

Внезапно раздался звонок мобильного телефона. Кто это еще столь не вовремя поморщился он? Стива достал из кармана аппарат и почувствовал облегчение. Звонила сестра. И как же он сразу не подумал о ней. Если есть в мире человек, который может разрешить эту ситуацию, так это только она.

Они говорили минут десять. Не вдаваясь в подробности, Стива рассказал ей о том, что произошло. Анна выразила

ему сочувствие и сказала, чтобы он не отчаивался, все можно еще уладить и обещала завтра приехать.

Стиве сразу полегчало, он всегда чувствовал успокоение, когда удавалось переложить решение своих проблем на чужие плечи.

Однако сразу же возникла другая проблема. Близился вечер, а значит, скоро предстояло отойти ко сну. Но где ему спать? В их спальне? Но там заперлась жена. И вряд ли она его пустит на супружеское ложе. Выходит, придется провести ночь в своем кабинете.

Он оглядел небольшую комнату. Ему стало грустно. Здесь стоял лишь диван, но он был короткий и узкий, явно не предназначенный для его длинного дородного тела. Предстоит не ночь, а сплошное мучение. А он так любит хорошо выспаться на их мягкой широкой кровати. Пойти что ли покаяться, упасть на колени, слезно молить прощение? Нет, этот номер не пройдет, он знает жену, она так быстро не сдастся. Придется ждать приезда Анны, Долли ее и любит и уважает, она прислушается к ее аргументам. А ему ничего не остается делать, как попробовать поспать на узком и неудобном диване. В конце концов, должен же он понести хоть какое-то наказание за свой поступок.

III

Как ни странно, но утром Стива проснулся в хорошем состоянии духа. Хотя диван был и неудобный, но здоровый организм не обратил внимания на такую мелочь и вполне нормально выспался. Стива занялся своим туалетом, не встретив никого, прошел в ванную, умылся, затем оттуда прямой дорогой направился на кухню. Там он заправился кофеем и бутербродами и удалился в свое убежище.

Работа позволяла ему в значительной части трудиться дома, он достал из портфеля бумаги и стал их изучать. Но через какое-то время отложил их в сторону и задумался. Стива возглавлял юридический департамент мэрии Санкт-Петербурга. А там протекало острое политическое соперничество между различными кланами и группами, исповедующими подчас противоположные взгляды. Зачастую его приглашали в один из этих лагерей. Конечно, с точки зрения занимаемого положения, у Облонского оно было достаточно скромным. И все же и он имел некоторый вес, к его голосу прислушивались кое-какие начальники. А потому приходилось всякий раз выбирать, на чью сторону встать.

Надо прямо сказать, задача была не из легких. Во-первых, постоянно менялись руководители. И каждый из них гнул свою линию, иногда полностью отрицающую линию своего предшественника. И не то, что у Стивы не было своих по-

литических предпочтений, но зачастую приходилось их засовывать куда подальше и следовать начальственному предначертанию. Это не то чтобы его угнетало, к этому он давно привык и смирился, но оставляло в душе неприятный след от необходимости проявлять двоедушие. По своим воззрениям он склонялся к либеральному лагерю, и идеи и их носители вызывали у него симпатию. Либералы выступали за максимальную свободу, невмешательство в дела личности, провозглашали примат индивидуума над государством. Все это находило в душе Стивы живой отклик, ему с молодых лет хотелось иметь такой образ жизни – ничем и никем не ограничивающий волю, когда единственным побудительным мотивом его действий являлись его желания и потребности.

В реальности же все было ровным счетом наоборот, ему приходилось смирять свои желания и потребности в силу необходимости. Суровая действительность диктовала свои правила, которым он вынужден был подчиняться. Разумеется, в этих правилах он старался найти промежутки для жизни приятной и свободной, но это все же было не то, это были лишь отдельные моменты на общем фоне серого существования, постоянной борьбе за хлеб насущный. Нет, не о таком он мечтал, ему хотелось совсем другого. Но для этого требовались деньги и еще раз деньги. А их катастрофически не доставало.

Стива вдруг вспомнил, что они с Долли хотели продать часть своей земли. У Долли была дача в 50 соток, подарен-

ная ей родителями на свадьбу, в очень прекрасном, а потому престижном месте. И он сильно надеялся на эти деньги. Они позволяли хотя бы некоторое время пожить более вольготно. Но теперь в связи с тем, что случилось, эта продажа может и не состояться. Да, неприятно, он давно мечтал купить новую машину. Та, на которой он ездит, и не новая и устаревшей модели. А сейчас есть такие замечательные автомобили, у него слюнки текут, когда он их видит, но и об этом придется забыть.

Стива услышал за дверью голоса детей, старшей дочери Тани и младшего сына Гриши. Они громко ссорились. Когда ими занималась Мария Облена, такие крики не раздавались. Впервые за утро он вспомнил о филиппинке. Интересно, она еще в доме или Долли уже ее прогнала? Впрочем, это был не тот вопрос, который его мучил более всего.

Стива решил выйти из кабинета. И сразу же Таня, его любимица повисла у него на плечах. Он поцеловал девочку, но без обычной теплоты; ему было сейчас не до нежностей.

Он поставил ее на пол.

– Что мама? Встала? – спросил он.

– Мама встала. И прогнала Марию, – доложила дочь. – А мы так ее любили.

– Так, получилось, – пробормотал Стива. – Не расстраивайтесь.

– Мы будем скучать о ней, – добавил свою лепту Гриша.

– Не стоит, – проговорил Стива. – Она все равно уже не

вернется. Лучше ведите себя так, чтобы не огорчать маму. Теперь все заботы о вас снова на ней.

Таня внимательно посмотрела на папу. Она догадывалась, что между родителями что-то случилось. И с этим как-то связан уход няни.

Стива понимал, что откладывать разговор с женой больше нельзя. Скоро ему отправляться на службу. А надо предупредить ее о приезде Анны. Он бы, конечно, предпочел какое-то время не видеть супругу. Она бы немного остыла, глядишь, все дальнейшее протекало бы не в столь острой форме. Но, увы, выбора у него нет. Придется идти.

IV

Погрузившись в оцепенение, Долли сидела перед раскрытым чемоданом. Его пасть зияла перед ней ненасытной пустотой и жаждала немедленного заполнения. На дне валялось несколько ее кофточек, которые она сгребла с полки шкафа и в приступе ярости, не глядя, бросила туда. Вместе с вещами в том же направлении полетела шкатулка с драгоценностями, которые Долли имела обыкновение хранить в шкафу, между аккуратными стопками тщательно наглаженного белья. Сегодня она даже не заметила эту вещицу, когда ее рука схватила первые попавшиеся вещи и швырнула их в чемодан. Туда же незамедлительно полетела шкатулка, случайно задетая Долли, она упала на пол с громким стуком. От удара крышка ее распахнулась, и все драгоценности вывалились на пол. Одно кольцо покатилося под диван, и Долли вынуждена была доставать его. Когда она, наконец, нашла его и поднялась с колен, держа в руках свою добычу, то с омерзением заметила, что сжимает в руках свое обручальное кольцо. Долли не носила его каждый день, оно мешало ей заниматься детьми и хозяйством, а доставала его только по торжественным случаям. Золотое кольцо, с одним маленьким бриллиантом, надетым Стивой ей на палец в день их бракосочетания, было зримым напоминанием ее неудавшегося брака.

Долли живо вспомнила это событие девятилетней давности. Тогда ей казалось, что счастливей ее нет и не будет в целом свете. И что теперь? Ее уютный маленький мирок, тщательно выстраиваемый ею с того памятного дня, рухнул, погиб в одночасье. Хотя, нет, надо честно признаться себе самой, что не в одну минуту обрушилось ее счастье. Долли тяжело опустилась на стул и задумалась, вспоминая годы семейной жизни со Стивой. Его частые задержки после работы, отлучки из дома по выходным, возникавшие каждый раз по воле неких загадочных и неотложных обстоятельств, которыми объяснял Стива свое отсутствие. Иногда он и вовсе не приходил ночевать. Возвращался домой под утро. Винолся, глядя на Долли честными глазами, говорил, что засиделся на работе до самой ночи и не заметил, что уже полчаса, как мосты развели. Вот и приходилось ему, как последней сиротинушке, свернуться калачиком на диванчике в своей приемной и прикорнуть кое-как до утра. Долли верила ему на слово и даже не спрашивала, отчего он не позвонил ей и не предупредил, что не придет. Время от времени на нее накатывались какие-то неясные предчувствия и смутные подозрения, что все на самом деле обстоит не так, как объясняет супруг. Но усилием воли она гнала от себя эти тревожные мысли, смущавшие ее покой. Ей настолько хорошо было в ее теплом и уютном мире семьи, что она не хотела знать ничего большего, чем видели ее глаза.

Поглощенная воспоминаниям, Долли не заметила, как ма-

шинально надела кольцо на палец. Разве она не любила мужа, терзала Долли себя вопросами. Пять детей ему родила. Другой мужчина носил бы ее на руках за такое самоотверженное материнство. А этот... За что ей выпало такое испытание?

Долли уловила звук шагов в коридоре и узнала походку Стивы. Дверь тут же распахнулась, и ее муж собственной персоной предстал перед ней на пороге. Долли мельком взглянула на него и отвернулась. Ее рот сжался в тонкую едва заметную нить, а в напряженном взгляде и закаменевших скулах читалось такое презрение, что даже Стива, заранее готовившийся к объяснению с женой, почувствовал себя не в своей тарелке. Только сейчас он вдруг явно осознал тяжесть своей вины перед Долли, казавшуюся ему до этого не столь уж и значительной.

Ведь все мужчины поступают подобным образом. А мудрость женщины должна состоять в том, чтобы не создавать из этого трагедию, принять случившееся, как данность и простить. Не в этом ли сила и величие женского предназначения! Что-то подобное он хотел сказать Долли, когда направлялся в ее комнату. Но все заранее заготовленные слова застряли у него в горле, когда он увидел жену, с видом обличающего прокурора восседавшую на стуле посреди комнаты рядом с открытым чемоданом. Стива почувствовал в этот момент себя чуть ли не изменником родины.

– Я виноват, виноват перед тобою, – проговорил он за-

плетающимся языком, с ужасом понимая, что сейчас боится своей жены. Это чувство было новым, никогда доселе им не испытанным и от этого казавшимся еще страшнее, чем было на самом деле.

Долли не отвечала. Она лишь сильнее сжала губы, сделавшиеся теперь совсем невидимыми, и окаменела еще больше. Теперь не только от лица, но и от всего тела ее веяло таким вселенским холодом и отчуждением, что для Стивы эта ситуация становилось совсем невыносимой. Было бы лучше, если бы она набросилась на него, исцарапала щеки, вырвала клоч волос или еще что-нибудь в этом роде... А впрочем, лучше обойтись без подобных эксцессов. Стива инстинктивно прикрыл руками ту часть тела, от которой и проистекал весь этот казус.

– Прости меня, – Стива осторожно кашлянул, с напряжением ожидая реакции Долли.

– Простить!!! – Она медленно повернула голову в его сторону и посмотрела на него холодно и одновременно гадливо, как на какого-то мерзкого слизняка. Но в ту же секунду губы ее сморщились, мускул на правой щеке дернулся, и она вдруг ожила, утратившая в один момент всю свою холодность. – Вон, пошел вон отсюда, – прошипела она, задыхаясь.

Долли душили слезы, и она держалась из последних сил, только бы не разрыдаться у мужа на глазах. Она не хотела показывать перед ним свою слабость, не хотела, чтобы он знал, видел ее страдания. Как бы она желала сейчас быть равно-

душной и спокойной, как будто ровным счетом ничего не случилось, как будто для нее его измена сушая безделица.

– Неужели девять лет совместной жизни ничего не значат для тебя. – Стива видел, как Долли мучается, и ему вдруг стало жалко ее. Он подумал, что неплохо бы сказать, что любит ее, но не осмелился и вместо признания в любви произнес проникновенно: – Долли, поверь, все мои настоящие и искренние чувства принадлежат только тебе.

– Мне!?! – истерично выкрикнула Долли. – А ей... что принадлежит ей... Твое тело?

– Ну, зачем ты о ней, – поморщился Стива, – это просто случайность, фантом, минута слабости. Всего одна минута, Долли. А тебе и детям принадлежит вся моя жизнь. Так стоит ли...

– Ты вспомнил о детях! – глаза Долли полыхнули ненавистью, – забудь о детях, у тебя нет больше детей, у тебя никого нет. И меня – тоже.

– Но позволь, ты не можешь вот так распоряжаться детьми, – дрогнувшим голосом произнес Стива.

– Я все могу, потому что я мать. А ты прелюбодей и развратник и тебе нельзя доверить детей. Я ставлю тебя в известность, что забираю их и уезжаю к матери, а ты можешь жить тут со своей потаскухой сколько угодно и делать свои мерзости хоть с утра до ночи. – Долли отвернулась к шкафу и продолжила демонстративно доставать оттуда вещи и складывать их в чемодан.

– Но это не возможно, – растерялся Стива.

– Отчего же. – Голос Долли окреп и зазвучал даже немного весело. Ей нравилось видеть, что он растерян и лишен привычной уверенности.

– Сегодня Анна приезжает, – сообщил Стива.

– Ну и что, примешь ее вместе с этой Обленой.

– Не говори глупостей, Анна едет, чтобы повидаться с тобой.

– Я не собираюсь встречаться с твоими родственниками и вообще я подаю на развод. – Долли повернулась к мужу и с вызовом посмотрела на него.

– Как на развод, зачем развод? – пролепетал Стива. – Это совершенно не возможно. Вдруг он заметил на ее пальце их обручальное кольцо, которое она одевала очень редко. То, что сейчас кольцо находилось на положенном ему месте, внушило Стиве надежду, что не все потеряно. Стива взбодрился и расправил плечи. – Я не позволю тебе просто так взять и уйти, – двинулся он к Долли, – Я не пущу тебя. Ты моя жена и мать моих детей. А еще ты мудрая женщина.

Долли смотрела на его приближение настороженно.

– Нет мужчины без греха, – продолжал свой монолог Стива. – А мудрость женщины должна состоять в том, чтобы не создавать из этого трагедию, принять случившееся, как данность и простить. Вот и кольцо на твоем пальце, как символ прощения, – Стива попытался взять Долли за руку, но она оттолкнула его.

– Не смей дотрагиваться до меня, с ненавистью выдохнула она, и, сорвав кольцо с пальца, швырнула его прямо в лицо Стивы. – Вот тебе мое прощение, выброси его на помойку, пока я сама это не сделала! – с ожесточением крикнула Долли и рванулась к двери, чтобы выбежать из комнаты. Но Стива предпринял неожиданный маневр, он рухнул перед ней на колени и, обхватив ее ноги руками, не позволял ей сделать дальше ни шагу.

– Пусти. – Напрасно Долли пыталась освободить ноги и вырваться из его рук. Стива держал крепко.

– Ну, прости меня, умоляю, – смотрел он на нее снизу вверх жалкими глазами. – Делай со мной, что хочешь, только не прогоняй меня. Я без тебя и детей погибну. Только ты одна мне нужна – и больше никто. И ты без меня не сможешь. Мы одно целое.

Долли перестала вырываться. Она вдруг осознала, что он прав. Она без него ничто и никто. Она не сможет без него жить, есть, спать, дышать. И несмотря ни на что, ее любовь к нему никуда не исчезла. Она по-прежнему живет в ней.

«О это ужасно, – подумала Долли, – как бы я хотела ненавидеть его, но это выше моих сил. Но пока ему об этом знать еще рано».

– Пусти меня и стань с колен, – сказала Долли веско и твердо. – Так и быть. Я встречу сегодня Анну, но потом я соберу вещи и уйду.

– Я знал, что ты мудрая женщина, – Стива вскочил с ко-

лен и поспешил ретироваться. За дверью он вздохнул с облегчением.

Кажется, все прошло неплохо и гроза миновала, думал он. Хотя может и не совсем. Но он дает пятьдесят на пятьдесят, что все закончится миром. Эх, жаль поспорить на это не с кем. Можно было бы сорвать неплохой куш за спор, а потом закатиться на выигранные деньги с какой-нибудь красоткой в ресторан.

Стива подошел к зеркалу, достал из кармана расческу, тщательно причесал растрепанные от падения волосы, подмигнул себе весело и отправился на службу. Он не знал, что Долли в эту минуту в щелку двери подсматривает за ним.

– Вот, гад, – зло прошипела она, глядя на его цветущий вид. – Нет, не дождется он моего прощения. Ни за что. Она гордо вскинула голову и проследовала к раскрытому чемодану с твердым намерением завершить задуманное. До приезда Анны, она должна была собрать свои вещи и вещи детей.

V

Все учителя признавали у Облонского хорошие способности, но учиться он никогда не любил. Очень рано его стала привлекать совсем другая жизнь; не то, что он был гулякой и хулиганом, но любил веселые компании и проказы. Рано у него возник и интерес к особам противоположного пола, девочки, а потом и девушки волновали его одним только своим присутствием. Он еще не понимал всю гамму отношений между мужчиной и женщиной, но уже инстинктивно чувствовал, что это станет одной из основных тем, если не главной в его жизни. Впрочем, в неведении он пребывал недолго, знакомые мальчишки по всем деталям ему объяснили, как все это происходит. А для закрепления урока снабдили богатым иллюстративным материалом. Потрясение было огромным, но это потрясение было сладостным, в котором в качестве основного ингредиента входило предвкушение чего-то невероятно заманчивого.

Те же самые мальчишки через некоторое время помогли ему вкусить и запретного плода, свели его с девчонкой из соседнего двора. Она была постарше Степана, но уже многое знала и умела в отличие от него. Он же так волновался, словно от успеха предприятия зависела вся его дальнейшая судьба. Хотя в каком-то смысле может, так оно и было.

Но все прошло достаточно благополучно, Стива получил

бесценный опыт, хотя какого-то невиданного наслаждения, о котором так много писалось в прочитанной им литературе, не ощутил. Впрочем, подсознательно юноша догадался, что это только начало, а впереди его ждет еще много хорошего. И вскоре его надежды оправдались, он вступил в связь со взрослой и опытной женщиной, которая и провела его по всем запутанным лабиринтам интимных отношений. После нее он уже, во-первых, почувствовал себя уверенно, настоящим мужчиной, во-вторых, окончательно понял, в чем смысл предстоящей его жизни: в получении бесконечной череды удовольствий. Без них все остальное не имело значения.

Хотя в университете ему было в целом не до учебы, но благодаря способностям он закончил его довольно неплохо. Но вот что делать дальше? Этот вопрос мучил его сильно. Родители Стивы к этому времени уже отправились в мир иной, оставив ему хорошую квартиру и некоторую сумму денег. Но долго прожить на них было невозможно, нужно было делать то, чего он желал менее всего, – искать работу. К тому же на его шее оказалась младшая сестра, которая только поступила на первый курс института. Это была обуза, но такая обуза, от которой невозможно было избавиться. Да и Облонский любил ее хотя бы потому, что не любить ее было невозможно; это было прелестное создание: красивое, жизнерадостное, с живым, подвижным умом, активно отвлекающимся на все новое. Поклонников у нее было море, но она

не спешила выказать никому предпочтения. Она словно бы чего-то ждала и не спешила сделать окончательный выбор.

Стиве пришлось запрячь себя, как коня в повозку, в работу на маленьких, слабо оплачиваемых должностях. Найти более престижное место выпускнику университета без протекции не удавалось. Он искал выход, так как после студенческой разгульной вольницы жизнь превратилась в серую и унылую тягомотину. На развлечение денег просто не было, а без них только и остается сидеть дома да смотреть телевизор, который он никогда не любил.

Стива стал лихорадочно искать выход и, как ему показалось, нашел в женитьбе. Еще с тех времен, когда живы были родители, их семья дружила с семейством Щербацких. Его глава был известным когда-то послом в Великобритании, а после завершения дипломатической карьеры обрел не менее престижный статус ученого, академика. Достаточно было посетить их дом, чтобы понять, что они не бедствовали. Да и их старшая дочь Дарья, или как называли ее в семье на английский манер Долли, ему нравилась. Приятная, спокойная, неглупая, домашняя, чем не жена. Да и он произвел на нее благоприятное впечатление. Об его веселой студенческой жизни она ничего не ведала, а он благоразумно ей не рассказывал.

Но женитьба далеко не полностью оправдала его надежды, они стали жить лучше, но не настолько, как хотел он. А вскоре родился ребенок – и Стива совсем затосковал. Конеч-

но же, он ей изменял, но его возможности были ограничены; женщины хотели подарков, веселого препровождения, а это требовало денег и еще раз денег.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Их тетушка, которая занимала довольно высокий пост в администрации города, но которая и пальцем не ударила, дабы трудоустроить племянника, вдруг решила проявить инициативу. Но касалась она не его, а Анны. Из Москвы к ним прислали вице-губернатором Алексея Каренина, мужчину не молодого, но холостого. Она решила свести его со своей племянницей. В мэрии был новогодний бал, она привела с собой на него девушку и как бы невзначай познакомила ее с высокопоставленным чиновником. Анна произвела на него сильное впечатление – и дело закрутилось.

Они быстро поженились, а вскоре Каренин пошел на повышение, его перевели в Министерство культуры на должность заместителя министра. Шурина он не забыл, с его подачи Стиву назначили на должность руководителя юридического департамента мэрии. Правда, зарплата оказалась не столь уж и высокой, но все-таки это был шаг в правильном направлении. А вскоре Облонский обнаружил, что в новой должности не так уж и много надо работать, значительную часть дел можно переложить на подчиненных. А самому чувствовать относительную свободу.

Облонский часа два занимался делами, отдавал распоряжения, писал заключения. Затем это занятие ему решитель-

но надоело. Он подумал: чем бы заняться. И тут, как нельзя, кстати, секретарша доложила Стиве, что пришел посетитель. Облонский обрадовался, разговаривать с человеком совсем не то, что работать с документами.

В кабинет вошел Левин. Они были друзьями детства, росли в одном дворе, и хотя были не похожи друг на друга едва ли не по всем параметрам, сблизились. Это ничуть не уменьшило их различие, в дружбе каждый оставался сам по себе. Может, потому что никто не пытался переделать другого под себя, они пронесли это чувство и за пределы их дворовой жизни. И хотя затем судьба сильно разбросала их в разные стороны, это не остудило их отношения. При этом каждый из них по отношению к другому был немного снисходителен, каждый считал себя выше, чем его приятель. Но ни Облонский, ни Левин подобные мысли старались не афишировать. Единственное, что позволял себе Стива, так это некоторую снисходительность городского жителя к деревенскому.

Трансформация Левина из городского жителя в деревенского произошла для Облонского неожиданно. Успешный бизнесмен Левин вдруг бросил свое дело, продал прекрасную квартиру и уехал в село. Некоторое время Стива не верил в происшедшее. И лишь побывав у него в хозяйстве, убедился, что это действительно так. Он даже некоторое время размышлял, как отнестись к этому факту. Но не пришел к окончательному выводу. А потому решил, что не стоит и задумываться на эту тему, жизнь рано или поздно покажет, что

это – серьезный поступок или блажь?

– Надолго ли ты к нам? – поинтересовался Стива.

– Да, пока точно не ведаю, – немного помедлил с ответом Левин. – Как обстоятельства сложатся. Мне поговорит с тобой надо.

Стива с некоторой подозрительностью взглянул на него, он чувствовал, что его друг немного темнит.

– Тогда может быть, вместе пообедаем, – предложил он. – Я знаю очень приятное местечко. Тебе непременно понравится.

– Мне нужно съездить по делам.

– Тогда говори сейчас.

– Как поживают Щербацкие? Все ли по-старому?

Стива едва заметно улыбнулся. Вот в чем дело. Он знал, что Левин влюблен в младшую сестру его жены – Кити. Когда-то он познакомил их, и с тех пор Константин думает только о ней.

– Ты, наверное, хочешь видеть Кити. Долли мне как-то говорила, что она часто посещает клуб: «Ночной досуг». Наверное, и сегодня туда пойдет. Можешь там ее увидеть.

– Спасибо, Стива, ты настоящий друг, – улыбнулся Левин. – Рад был тебя повидать. А сейчас, извини, дела.

– Иди, иди. Только не забудь перед отъездом в свою глушь повидать меня.

– Непременно.

Они пожали друг другу руки, Левин энергичными шагами

покинул кабинет.

VI

Стива был прав, когда сделал предположение, что Левин хочет видеть Кити. Именно из-за нее, свояченицы Стивы, Левин приехал на сей раз в Питер. Никаких других дел у него здесь не было, да и не могло быть. С некоторых пор, делами Левин стал именовать только самые значимые события своей жизни, а все остальное, что выходило за грань этого смысла, относил к категории блажь и никак иначе. На шкале его жизненных ценностей Кити занимала очень высокое место. Как и когда эта девушка сделалась значимой женщиной его жизни, Левин и сам не помнил. Это случилось исподволь и как-то и незаметно для него самого. Надо сказать, что с того самого момента, как Стива ввел его в семью Щербацких, Левин был очарован всеми женщинами этого семейства. Каждая из трех сестер: Долли, Натали и Кити обладали необычайной привлекательностью. Каждая из них была красива по своему, с присущим только ей одной тем удивительным шармом, который кружил головы мужчинам и делал их покорными рабами в ручках этих удивительных девушек.

Как натура чрезвычайно чувствительная, Левин был сражен настолько красотой сестер, что никак не мог оценить по началу, какая же из них больше всего ему по нраву. Он наверняка отдал бы пальму первенства старшей из них – Долли. Левину по душе пришелся ее тихий и кроткий нрав, ко-

торый в сочетании с ангельской внешностью был для него высшим образцом истинной женственности. Но, Долли, к великому разочарованию Левина, была на тот момент невестой Стивы. Уже назначена была их свадьба, и Левину пришлось забыть о ней.

Тогда он обратил свой взор на следующую из сестер: Натали. Левин уже был почти влюблен в нее, но так и не успел до конца осознать своих чувств к этой девушке. Она была отдана замуж за состоятельного банкира, который увез молодую жену на постоянное место жительства в Швейцарию. Разочарованному Левину ничего не оставалось, как забыть о сестрах Щербацких. Две из них были не доступны для него, а Кити на тот момент была еще подростком. Но время шло, Кити выросла. И однажды, в один из своих приездов в Питер, Левин столкнулся с ней, в доме своего старого друга Стивы.

Праздновали Рождество. За праздничным столом собралось все семейство Облонских. На почетном месте восседал хозяин дома Стива, немного располневший, но ничуть не утративший от этого своего прежнего блеска и мужской привлекательности. От него веяло свежестью и здоровьем, он был весел и красноречив. Глядя на него, складывалось впечатление, что Стива вполне счастлив и успешен в жизни.

Долли же, напротив, сильно подурнела и поблекла, по сравнению с теми временами, когда Левин был не на шутку увлечен ею. Она похудела и выглядела усталой. Взгляд ее печальных глаз оживлялся только тогда, когда она обращала

свой взор на детей. Левин смотрел на нее, вспоминал, какая, еще совсем недавно, она была красавица, и с грустью констатировал тот факт, что женская красота очень хрупкая и недолговечная вещь, с которой надо обращаться предельно бережно и нежно.

– А что Кити, – поинтересовался Левин, – наверное, уже совсем взрослая стала?

– Да, свояченица у меня расцвела, настоящая красавица, фотомодель, – заулыбался Стива, разливая коньяк по рюмкам. – Доллинька, ты бы пригласила Кити к нам.

– Да она обещала сегодня забежать на минутку, – сообщила Долли, подкладывая очередную порцию салата оливье в тарелку Левина.

– Отчего же только на минутку? – спросил Стива. – Праздник же нынче. Вот и Костя бы с ней с удовольствием пообщался.

– Не может она больше. У нее сегодня вечером самолет. Она в Таиланд летит. – Долли поправила бант на голове у дочери. – Вот хотела зайти, всех поздравить с праздником перед отъездом.

– В Таиланд? – удивился Стива. – Так у нее же сессия.

– А она досрочно сдала сессию и решила слетать в теплые края, погреться на солнышке.

– Надо же, в Таиланд. – Стива покачал головой и повернулся к Левину. – И правильно, надо наслаждаться жизнью пока молода. А то потом пойдут семья, дети. Вот мы с Долли

сидим в Питере, как привязанные.

— Ну, ты то, допустим не привязанный, — Долли метнула в мужа колючий взгляд. — А вот я, действительно привязана.

— Зато у нас такие замечательные детки. — Стива чмокнул Долли в щеку. — И у нас с тобой прекрасная семья.

В это время раздался звонок. Стива встал и пошел к двери открывать. У Левина заколотилось сердце. Он как будто почувствовал, что сейчас в его жизни произойдет что-то особенное. Из коридора послышались голоса: Стивы и звонкий, как перелив колокольчика, принадлежавший Кити.

Левин прислушивался к тому, что происходило в передней. Он слышал, как девушка снимает шубку, скидывает сапоги. И через секунду дверь распахнулась и показалась она. Кити. Левин смотрел на нее во все глаза и не узнавал ее. Стива был прав, Кити была необычайно хороша. Ее нельзя было назвать ослепительной красавицей. Но в то же время от ее глаз, от ее лица исходило такое сияние, такой внутренний свет, который заставил сердце Левина биться с удвоенной частотой. Он был сражен ею наповал. Он понял, что влюбился в нее с этой минуты сразу и на всю жизнь. Еще ни одна девушка не вызывали в нем таких эмоций, какие высвободила из глубины его души Кити только одним своим появлением. Левину казалось, что сам ангел сошел с небес в этот пречистый и пресветлый праздник рождества и коснулся своим легким крылом его зачерствевшей души.

Она чистый ангел небесный, а я земной и грубый. Разве

я достоин такой девушки, как она? изводил Левин себя сомнениями. В тот день он так и не смог поговорить с Кити. Она поздравила всех с праздником, раздала детям подарки и убежала. Умчалась в неведомые дали, туда, где много света и солнца. Именно там, в этом благодатном крае ее место, думал Левин, страдая от своего несоответствия Кити.

В самом мрачном расположении духа он удалился к себе в деревню и загрузил себя работой по самое горло, чтобы не думать и не изводить себя напрасными мечтами о Кити. Он дал себе зарок, что забудет ее. Такие девушки не для него. Ему надо что-то попроще и поближе к грешной земле. Но мыслям Левина не суждено было сбыться. Кити сама разыскала его в социальных сетях и предложила дружбу. Они стали переписываться. Постепенно они сближались, Кити раскрывала перед ним свой внутренний мир, она как будто что-то почувствовала в тот памятный рождественский день и старалась немного уменьшить свое сияние в общении с ним, представляя перед ним вполне земным человеком. И не без результата, со временем Левину она стала казаться не такой уж и небожительницей. И, наконец, настал тот день, когда он вполне ощутил себя достойным такой девушки, как Кити. Не долго думая, пока он не растерял этого ощущения, Левин сорвался с места и приехал в Питер. Намерения у него были самые серьезные. Он решил сделать Кити предложение.

VII

Обычно, посещая северную столицу, Левин останавливался у своего старшего брата по матери Сергея Ивановича Кознышева. Их отношения складывались не просто. И не только потому, что между ними была немалая разница в возрасте, но судьба то разлучала их, то сближала снова. После того, как мать Левина вышла замуж во второй раз, благодаря чему и появился он на свет, ее первый сын предпочел переехать к отцу. И почти не навещал эту для него наполовину чужую семью. Да и Левин мало интересовался им, хотя слышал о нем немало. А дело заключалось в том, что Кознышев с самых ранних лет подавал большие надежды, он не просто хорошо учился, а был всегда первым и блестящим учеником.

В их семье никто не сомневался, что Кознышева ждет большое будущее. И он быстро стал доказывать, что это именно так. У него оказался недюжий литературный дар. Первый же роман принес ему известность, его стали прочить в большие писатели. Левин к тому времени уже превратился в юношу, он прочел произведение брата, но оно не произвело на него впечатления. К тому времени он прочитал уже много книг, и не нашел в этом творении родственника ничего выдающегося. Правда, с этим мнением он не стал ни с кем делиться, а решил, что может быть, в самом деле, чего-то не понял. Но и следующие книги автора не показались

ему по-настоящему талантливыми, по его мнению, они были чересчур литературными, в них не хватало искренней живой жизни, его замещали эрудиция и начитанность. Левину же хотелось от текста получить другое ощущение, хотелось подлинных чувств и эмоций, глубоких, поражающих ум мыслей, неожиданных аналогий и метафор. Но ничего такого из этого набора он не находил.

Впрочем, это не мешало ему уважать и ценить брата, в конце концов, на вкус и цвет товарищей нет. Ведь его книги нравились многим, а значит, он вполне достойный писатель, профессионал своего дела.

Они стали изредка встречаться; сначала Кознышев относился к младшему брату довольно снисходительно. Но вскоре он обнаружил в нем вполне достойного полемиста. Их общение приняло насыщенный характер, они спорили на многие темы, крайне редко сходились во мнении, но это не портило их отношения. Они как бы решили, что разногласия разногласиями, а родственные связи важнее. И даже иногда делились друг с другом весьма интимными переживаниями. Вот и в этот приезд Левину хотелось поговорить с ним по душам.

Но когда он появился в его квартире, то застал там весьма известного общественного деятеля. Лично Левин был с ним не знаком, но много раз видел его выступления по телевизору, читал его статьи в газетах. Левин знал, что в дом брата тот попал не случайно, так как в последнее время Коз-

нышев активно занялся общественной деятельностью. И на этом поприще так же снискал определенную известность.

Левин пришел как раз в разгар довольно горячей полемики. Кознышев сделал ему знак, чтобы он сел. Левин так и поступил и стал слушать.

– Вот вы все время говорите, дорогой Сергей Иванович, что нам нужна великая страна, что без этого Россия не может быть Россией, – говорил общественный деятель. – Я вовсе не возражаю против величия, я полностью за него. Но меня всегда волнует вопрос: а какой ценой? Если цена чрезмерна, то я отказываюсь от величия. Вспомните историю, да мы были великой державой, но всякий раз это достигалась пролитием обильных рек крови. Такой вариант мне не подходит. Если величие настояно на крови, для меня это не величие, а что-то прямо противоположное.

– А вот тут я с вами решительно не согласен, – возразил Кознышев. – Мне кровь нравится не больше вашего, но уж если она пролита, то надо извлечь из этого максимум. Да, вся наша великая культура во многом оказалась возможной благодаря тому, что кто-то был вынужден жертвовать собой, даже если и не по собственной воле. Но ведь какой результат! И он оправдывает многое. Историю не перепишешь, что было, то было, но ведь это же давало всякий раз импульс для толчка вперед. Разве было бы лучше, если бы мы остановились в развитии?

– Но разве развиваться можно только с помощью крови.

Лучшее развитие то, когда она не проливается. Разве не так?
Кознышев улыбнулся и покачал головой.

— Я вовсе не людоед, и ненавижу кровь, как и вы. Но я говорю о том, что история сложилась так, как сложилась. Не будем же мы переписывать ее в угоду нашим представлениям. И я предлагаю ценить в ней достижения, а не ужасы. Про них не стоит забывать, но отдавать предпочтение тому, что двигало нас вперед. Вы и ваши единомышленники постоянно нас упрекают в идеализации прошлого, что мы не желаем знать то плохое, что было в нем. Уверяю вас, я хорошо знаю историю, только отношусь к ней по-другому. От того, что мы постоянно посыпая голову пеплом, становимся только слабей. А чтобы идти вперед, нам требуется много сил.

— Это опасная позиция, Сергей Иванович, прошлое учит осторожности, а ведь мы снова идем по людским головам. Конечно, нынешнее время с предыдущими эпохами не сравнить, но ведь еще неизвестно, что дальше будет. Если многие будут рассуждать так же, как и вы, что главное цель и результат, а не средство их достижения, мы можем зайти далеко. Желających проливать кровь и сегодня достаточно. Когда я читаю некоторые высказывания, она стынет у меня в жилах.

— Мало ли кто что пишет сгоряча, человек существо эмоциональное, и зачастую не сдерживает себя. Но это не означает, что он готов быть столь же нетерпимым и в жизни.

— А откуда нам знать, готов он быть нетерпимым или нет? Многие и сами не имеют о том представления. Не зря же

сказано в одной книге: сначала было слово. А что будет после того, как оно сказано, предсказать невозможно. Нет, Сергей Иванович, все начинается именно с того, что мы говорим и как думаем. Если оправдываем кровь в прошлом, сумеем оправдать и в настоящем. Вот почему я пришел к вам, ваша статья наделала много шума, немало людей ее одобрили. Вы прекрасно владеете пером, к вам прислушиваются. А если такой человек распространяет публично подобные идеи, это не может не вызывать опасений.

– Я ценю ваш визит, но мне кажется, ваши опасения преувеличены. Я лишь предлагал вспомнить былое величие, чтобы оно нас вдохновляло на новые свершения. И призывал не позволять смешивать наше прошлое с грязью. Желающих отдать его на поругание, увы, предостаточно. И, на мой взгляд, они сильно нам вредят, внушают, особенно молодежи презрение к отечеству.

Общественный деятель печально вздохнул.

– Вижу, нам с вами согласия не достичь. Мы уже спорим целый час, а каждый так и остался на своих позициях. С вашего разрешения я удалюсь, тем более у вас гость, – посмотрел он на Левина.

Левин почувствовал радость, что общественный деятель собирается уходить. Сначала он с интересом слушал обе стороны, но в какой-то момент ему стало скучно. Опять сплошная отвлеченность, они спорят о каких-то вещах, которые не имеют отношения к действительности. Хотя им кажется об-

ратное. А вот поработали бы денек вилами да лопатой в грязи и навозе, по-другому бы заговорили. А ведь так и проговорят страну. Им кажется, что они заняты чем-то необычайно важным, решают судьбу народа, а на самом деле, все это от безделья.

VIII

Левин и Кознышев остались одни.

– Видишь, какие у нас теперь ведутся жаркие дискуссии, – улыбаясь, произнес Кознышев. – Градус общественного настроения быстро идет вверх. Впрочем, в твоей деревне это не чувствуется.

– Да, у нас другие заботы.

Кознышев снова улыбнулся, на этот раз снисходительно.

– У каждого своя жизнь, главное, чтобы не ощущать в ней себя ущербным.

– Пока не ощущаю.

– Вот и прекрасно. А зачем ты в наших краях? По делам или так?

Когда Левин ехал к брату, ему хотелось поведать Сергею о своем намерении жениться, но сейчас почему-то такое желание пропало. После столь глубокомысленного разговора, которому он стал только что свидетелем, говорить на столь прозаичные темы Левину показалось неудобно. Как-нибудь потом.

– Разные возникли нужды. Да и захотелось немного развеяться, – неопределенно ответил Левин.

Кознышев рассеянно кивнул головой, его мысли были заняты явно другим.

– Должен сообщить тебе нечто важное, вчера я получил

по электронной почте послание от Николая.

– От Николая? – изумился Левин. – После стольких лет молчания.

– Именно так.

Николай был их средний брат, как и все из их породы подавал большие надежды. У него рано обнаружились математические способности. И все были уверены, что он пойдет по этой стезе. Поначалу так и было, но где-то к концу учебы что-то вдруг с ним случилось. Он связался с плохой компанией, а потом неожиданно его арестовали. Оказалось, что у него нашли наркотики.

Благодаря связям дело с трудом, но удалось замять. Но вместо благодарности Николай затаил злобу, которую срывал то на родителей, то на братьев, то на учителей. Конец был закономерным, вместо красного диплома, его выгнали с последнего курса. Для Николая это стало поводом для дальнейшего озлобления. А вскоре он заявил, что порывает с семьей и просит его никогда не искать.

Для Левина это был сильный удар, так как в детстве они были дружны. С тех пор он видел его всего пару раз, и эти встречи не принесли никому радости.

– Что же он написал тебе? – спросил Левин.

– Написал, что не хочет нас видеть и просил оставить его в покое.

– Но мы и так его не тревожим. Странно, что он решил напомнить о себе. А не кажется ли тебе, что он это сделал,

потому что желает прямо противоположного.

Кознышев кивнул головой.

– Возможно, ты и прав. Почему мне не пришла такая простая мысль?

– Надо бы его повидать, – решительно проговорил Левин.

– Если хочешь, то, конечно. А я, пожалуй, воздержусь. Не могу забыть, как он кричал на нас. Мне кажется, ему уже не поможет.

– Даже если и так, все равно он наш ближайший родственник.

– В наше время родственные связи имеют мало значения, – пожал плечами Кознышев.

– Мне так не кажется. Впрочем, каждый решает это сам. Кстати, в письме он ненароком указал гостинцу, где остановился. Я не придавал этому значению, а теперь понимаю, что ты прав. – Кознышев задумался. – Да, жалко его.

IX

Левин на такси подъехал к клубу, в котором он ожидал увидеть Кити. Еще по дороге он ощутил заметное волнение перед встречей с ней. Кажется, произошло то, чего он боялся больше всего. Он потерял ощущение уверенности, что Кити ответит ему взаимностью. К нему вновь вернулось та робость и чувство своего несоответствия такой девушке, как Кити, которое он почувствовал в доме Облонских, увидев ее в праздник Рождества. Как легко было ему общаться с нею в сети, какой естественной и непринужденной она ему казалась, когда их разделяли тысячи километров. И как все сложно стало вдруг, когда все преграды, отделяющие их друг от друга пали и только дверь клуба, перед которой он сейчас стоял и никак не решался открыть ее, еще мешала приблизиться к ней. Часто в своих мечтах, Левин предавался фантазиям, какой может быть их встреча. То он рисовал себя брутальным мачо, уверенно идущим к своей цели, то нежным и трепетным возлюбленным, заваливающим свою любимую цветами и поцелуями. Но никогда, ни в одной из своих фантазий он и мысли не мог допустить, что будет стоять, вот так, как сейчас, как последний трус и будет бояться сделать последний шаг. Левину захотелось вдруг, чтобы он вошел, а Кити там не оказалось, тогда он может взять отсрочку, тайм аут, чтобы собраться с мыслями, прежде, чем предстать пе-

ред ней.

У него возникло желание уйти, и он уже развернулся было и направился прочь от клуба, но в этот момент в его кармане завибрировал телефон. Левин схватил трубку, надеясь, что какое-то срочное дело заставит его убраться от этой чертовой двери достойно. И тогда он перед самим собой не будет чувствовать свою ущербность за то малодушие, которое он проявил минуту назад. Левин схватил трубку, как спасательный круг, но его надежды не оправдались. Это был Стива. Он напомнил приятелю, что они должны вместе поужинать и самое главное, Кити звонила Долли и сообщила, что будет сегодня в клубе непременно.

– Так и ты, пожалуйста, не забудь, – смеялся Стива в трубку, – что хотел видеть мою свояченицу.

В ответ Левин промычал нечто невразумительное.

– Иди в клуб, не пожалеешь. – уловил Стива настроение Левина, – Тебя там ждет сюрприз. Дай слово, что обязательно пойдешь.

Левин пообещал. Деваться теперь было некуда, пришлось возвращаться. Левин, как на заклатание, побрел к знакомой уже двери, постоял еще минуту перед ней, набираясь решимости, и с силой дернул ручку на себя.

Левина ослепил свет, и он поначалу даже зажмурился. Постоял немного, привыкая, затем стал рассматривать окружающую обстановку. Народу в клубе было немного, несколько человек сидели за столиками, кто-то стоял около стойки ба-

ра. Левин огляделся, Кити нигде не было видно. Одна девица с бритой головой привлекла его внимание. Она сидела впол-оборота за столиком в компании подружек и пила коктейль из высоко бокала. Девицы курили и чему-то громко смеялись ярко накрашенными ртами. Одна из них, с татуировкой на обнаженном плече, остановила на Левине свои смеющиеся глаза и вдруг подмигнула ему. Левин в ответ демонстративно отвернулся. Он не любил смелых и агрессивно сексуальных женщин, первыми идущими на контакт с мужчиной. Он их побаивался.

Будучи по природе своей мягким и деликатным, Левин того же искал и в женщинах. Только такой тип девушек был ему более – менее понятен и вызывал комфорт в общении. Кити, как ему представлялось, была из этой категории. Иначе и быть не могло. Ведь она истинная Щербацкая, дочь интеллигентных и образованных родителей. Ее отец – ученый, академик, ведущий в стране специалист по Великобритании, и мать милейшая женщина, знающая несколько языков. Оставила когда-то свою карьеру переводчика в МИДе и посвятила себя целиком и полностью семье. В муже она души не чаяла и называла его всегда ласково «мой князь», что в каком-то смысле соответствовало действительности. Глава семейства Щербацких был высоким, статным и породистым мужчиной, на самом деле похожим на аристократа. По крайней мере, именно такими их изображают в фильмах. Дочерей своих Щербацкие воспитали в строгости и послушании,

дав им при этом блестящее образование. Помимо школьных занятий, девочки обучались еще танцам, музыке и нескольким языкам. Для этих целей им были наняты учителя, которые посещали дом Щербацких строго по расписанию. Для Левина, рано лишившегося матери, атмосфера в доме Щербацких казалась верхом совершенства, и он не только не видел каких-либо недостатков во всех ее членах, но они ему представлялись чем-то вроде жителей священного Олимпа, перед которыми надо преклоняться и которых следует боготворить. Особенно это относилось к женской половине семьи. Ну а Кити для Левина с некоторых пор занимала в ней совершенно особое место.

Левин глубоко погрузился в воспоминания, но сильный звуковой аккорд вырвал его из прошлого и окунул в настоящее. Левин снова огляделся вокруг, и яркий свет от десятка прожекторов ударил по его глазам. В самом центре этого светового круга он увидел ее. Кити стояла перед ним собственной персоной.

– Константин Дмитрич, Костя, какими судьбами? – Кити ласково смотрела на него или это ему только казалось? И, тем не менее, Левин приободрился; кажется она рада ему.

– Давно в Питере? – Кити засыпала его вопросами, а Левин стоял и как болван, молчал.

– Я недавно... Я вчера, – наконец вымолвил он неловко. Ему хотелось сказать о цели своего приезда прямо сейчас, чтобы здесь же избавиться от этого груза, который он взва-

лил на себя. Ведь предложение, которое он собирался сделать ей, было для него непосильной ношей, оно давило его и стесняло. Но, глядя в ее сияющие глаза, он не осмелился произнести заветные слова, побоялся спугнуть свое хрупкое счастье. Ведь пока еще ничего не сказано, пока не расставлены все точки над «и», можно еще желать, можно еще надеяться. А если она откажет и что тогда?

– Мне Стива сказал, что вы здесь...

– Костя, давай на ты, ведь мы с тобой уже перешли на ты, разве ты забыл? – Глаза Кити смеялись, и эта улыбка, как подарок, предназначалась ему.

Наверное, это и есть счастье, подумал Левин. Видеть ее так близко от себя, слышать ее голос. И он, желая продлить это состояние эйфории, боясь нарушить его, спугнуть, решил пока не говорить о цели своего приезда. Кити тем временем болтала без умолку, она откровенно рада была видеть Левина.

Какой он славный и милый, в свою очередь думала она про Левина, впрочем, без особого волнения. С ним так легко и приятно. И ведь от того приятно, что я не люблю его. И от того, что я не люблю и проистекает эта приятность. Кити видела его смущение и прекрасно понимала, что является причиной этого она сама. Ей делалось от этого еще лучше, она чувствовала себя еще счастливей. И хотя она любила совсем другого, она не прочь лишний раз ощутить свою женскую привлекательность, почувствовать свою силу, свою

власть над мужчинами. Именно эту уверенность в своей женской силе давал ей Левин, и от этого он нравился ей еще больше.

– Пойдем, Костя, я познакомлю тебя со своей подругой. – Кити потянула Левина в глубь зала, шепча что-то на ухо – Она француженка, мы ее называем мадмуазель Нордстон.

Левин покорно следовал за Кити, ему было все равно, лишь бы идти за ней, куда угодно. Он никого и ничего не замечал вокруг, лишь ее одну. Он очнулся только тогда, когда почувствовал на своей щеке чей-то поцелуй.

– Очень приятно, Нордстон.

Левин с изумлением смотрел на лысую девушку, которая стояла перед ним и улыбалась, как ему показалось совершенно распутными глазами.

– Это твоя подруга? – Левин с изумлением перевел взгляд на Кити. Ее свет сразу померк в его глазах, нимб над головой куда-то улетучился. Кити в один момент сделалась намного проще и доступней.

– Я ее очень люблю, – улыбнулась Кити. Она понимала, какое впечатление произвела француженка на него.

– Ты спросила надолго ли я здесь? – проговорил Левин глядя ей прямо в глаза. – Так вот, все зависит только от тебя. Левин заметил, как при этих словах поскущнела Кити. Она отвернулась на минуту, потом посмотрела на него. И произнесла:

– Хорошо, приходи к нам завтра, там и поговорим.

– Да, обязательно приду, а сейчас, извини, дела. Я заехал посмотреть на тебя. Рад, что это удалось. Пока.

Левин поспешил к выходу. Он сознавал, что его уход на самом деле сильно напоминал бегство. Этот раунд он уж точно не выиграл. Будет хорошо, если хотя бы не проиграл. Но об этом он узнает только завтра.

X

Левин с Облонским ужинали в ресторане. Облонский выбрал один из дорогих заведений в самом центре Питера, славящимся тем, что шеф-повар ресторана Пьер Легрэ был француз, обладатель нескольких мишленовских звезд. Облонский считал Пьера своим другом и, если выпадала нужда блеснуть перед своим визави изысканным вкусом в делах кревоугодия, вел его именно сюда. Да и сам в гордом одиночестве любил бывать в этом месте. Когда жизнь доставала его, казалась совершенно невыносимой или очень пресной на вкус, Степан Аркадьевич садился за свой излюбленный столик и заказывал все, что только душа пожелает. А душа его почему-то всегда желала всего самого отменного и самого лучшего, что было в меню. Степан Аркадьевич не скупился на удовлетворение своих прихотей. Если бы Долли увидела его ресторанные счета после таких загулов, с ней бы случилась истерика. Но Стива ревностно оберегал покой своей жены, и ни разу не дал ей повода испытать ни одного деструктивного чувства по этому поводу. Да и вообще, по любым другим поводам. Стива был мастер по сокрытию разных компрометирующих фактов своей жизни. До сих пор всегда и во всем все ему сходило с рук, и, видимо, зря. Именно по этой причине, как считал Стива, он утратил бдительность и допустил такой непростительный прокол с филиппинкой.

– Эх, а филлипиночка была что надо, – Стива вздохнул с сожалением, – жаль, что Долли ее выгнала так быстро, не успел ее испробовать на вкус, как следует. Первый голод утолил, только почувствовал азарт – и на тебе такой облом. Ну да ладно. Дай бог, ни она первая, ни она последняя...

Облонский сфокусировал свой взгляд на подошедшей молоденькой официантке, с удовольствием глядя на ее ладную стройную фигуру в облегающем платье. Девушка протянула гостям меню и винную карту. Облонский взял книжечку и, вальяжно откинувшись на спинку кресла, неторопливо стал просматривать его. Несмотря на то, что он знал меню этого ресторана чуть ли не наизусть, он каждый раз изучал его с особенной тщательностью. Для Степана Аркадьевича это действие было своеобразной медитацией, наполняющей его сердце радостью от предвкушения предстоящего удовольствия.

– А не начать ли нам сегодня с устриц, а? Как ты считаешь? – обратился Стива к Левину.

– Мне все равно, я привык к простой пище. Щи и каша вот мое обычное меню. Но ведь здесь этого не подают.

– Могу порекомендовать вам суп с каперсами или вот бульончик с пирожком из семги, – девушка ткнула наманикюренным пальчиком в нужное место в меню. Левин замешкался, но, заметив недовольное выражение лица Облонского, поспешно согласился с его выбором.

– Закажи сам, – сказал он Стиве, – я с удовольствием под-

чинюсь твоему выбору.

– Ну, вот и славно, – заулыбался Облонский, – ты уж поверь мне на слово, толк в кулинарных удовольствиях я знаю, как никто другой. – Стива подмигнул официантке и, дотроновшись до ее тонкого запястья, проникновенно глядя в глубину ее выреза на платье, сделал заказ.

– Да скажи там, на кухне, – напутствовал он девушку, – что это для меня.

Официантка удалилась и уже через пять минут принесла блюдо с устрицами, сырныe салаты с базиликом и орегано, маринады, овощные закуски и бутылку белого игристого вина.

Облонский сразу же придвинул к себе тарелку с устрицами и, смакуя каждую из них, медленно и с удовольствием принялся поглощать морепродукты. Удовольствие Облонского передалось и Левину.

Все-таки, Стива, как никто другой, знает толк в жизни и понимает ее вкус, думал он, глядя на приятеля и любуясь им. Может по этой причине все в жизни ему дается так легко и просто: еда, вино, женщины... Сам Левин ел сырный салат с хлебом и запивал минеральной водой.

– Ты, что не любишь устрицы, – спросил Стива, глядя на напряженную складку между бровей своего друга. И не слушая его ответа, продолжал: – Выпей вина и будешь весел. Я хочу, чтобы сегодня ты был непременно весел, как я.

– Где уж мне, – вздохнул Левин, с видом обреченного,

продолжая ковыряться в салате.

– Нет, так не пойдет, – заявил Стива решительно, – а ну, давай, рассказывай, что за вселенская печаль тебя гложет. Быстренько решим эту проблему и будем дальше наслаждаться жизнью.

– Быстренько не получится, – буркнул Левин. – Ты прав у меня проблема.

– Какая?

– Понимаешь... – Левин запнулся на полуслове, никак не решаясь сказать Стиве, за чем он приехал в Питер.

– А я догадываюсь, что все сие означает, – Стива сделал витиеватый знак рукой и хитро подмигнул Левину. – Давай-ка друг выпьем вина – и все пройдет.

– Что пройдет? – оторопел Левин.

– Твоя печаль, – многозначительно изрек Стива, разливая вино по бокалам. – Потому что, женщины друг мой, не стоят таких переживаний. Впрочем, есть исключения из правил. И я знаю, что в твоем случае речь идет именно о таком исключении.

– И что мне делать с этим? – спросил Левин, не решаясь вслух произнести наболевшее.

– Нравится, женись, – ответил Стива, отправляя в рот очередную порцию устриц.

– Боюсь, что это не так просто, – мрачно изрек Левин.

– Согласен, не просто, но это в случае, если твоя избранница самка бразильского енота, но ты-то у нас, надеюсь, нор-

мосексуал?

Левин скорчил недовольную гримасу, его покорила такая вольность в речах Облонского. Хорошо еще, что он не произнес имени Кити вслух. Если бы Облонский отозвался о ней в подобном роде, он бы набил ему морду прямо здесь в ресторане, и многолетняя дружба не спасла бы его от этой участи.

– Да, ладно, не обижайся, – обезоруживающе улыбнулся Облонский, отодвигая от себя пустую тарелку из-под устриц. – Я знаю, кто она. И, поверь моему опыту в таких делах, она согласна.

– Вот-те раз, – удивился Левин. – Откуда ты можешь знать?

– Поживи с мое, да перебери столько женщин, как я, не то узнаешь.

– И кто она, как ты полагаешь, – Левин с интересом смотрел на Стиву.

– Кити, кто же еще.

– Ты угадал, – оторопело произнес Левин. – Только с чего это ты решил, что она согласна.

– Кто же еще, если не ты, – с видом пророка важно изрек Облонский. – Хотя есть закавыка в этом вопросе.

– Закавыка? Какая? – насторожился Левин.

– Не какая, а какой. Есть у тебя соперник, друг мой. Вернее не соперник, а так соперничек, но и его не надо сбрасывать со счетов. Ходит в их дом некто Вронский. Правда, я

его всерьез не воспринимаю, не пара он нашей Кити. Но, тем не менее, не надо оставлять ему ни единого шанса. Поэтому ты завтра же иди к ней и, не откладывая дело в долгий ящик, прямо заявляй о своем намерении. Понял?

Левин хмурился и молчал. Известие о сопернике было ему неприятно. Все бывшие его сомнения при этом сообщении сразу же обрели свою прежнюю крепость и встали перед ним в полный рост. А что, как она откажет мне, сделает предпочтение в пользу другого, размышлял Левин.

– Не бойся, не откажет она тебе, – Стива как-будто услышал мысли Левина. – Давай-ка лучше выпьем за успех твоего предприятия. Чтоб вам, так сказать, совет да любовь...

Стива поднял бокал, чтобы чокнуться с Левиным, но Левин не поддержал своего приятеля. Вместо того, чтобы продолжать веселиться, он крикнул проходящей мимо официантке: «Счет, пожалуйста!» Находиться больше в этом ресторане у него не было сил.

XI

Кити Щербацкой было двадцать лет, и ее мать была очень обеспокоена будущим дочери, а если говорить точнее, ее дальнейшей женской судьбой. Со стороны могло показаться, что в этом вопросе вроде бы и не о чем особенно переживать. Кити девушка видная, мужским вниманием никогда обделена не была. Но это, как раз и смущало мать Кити больше всего, заставляло не спать ночами и перебирать в уме всевозможные варианты неблагоприятных последствий популярности дочери среди мужской половины человечества. Как всякая мать, она желала для нее только всего самого лучшего. А лучшим в ее представлении являлось в первую очередь получение блестящего образования Кити и только потом замужество. Наличие диплома престижного вуза казалось ей более надежным для дальнейшей жизни, чем любой мужчина.

Сколько переживаний, сколько бессонных ночей она провела, пока Кити поступала в институт иностранных языков. И вот свершилось. Очередной рубеж в жизни дочери был благополучно преодолен, она стала студенткой. Теперь пять лет можно было ни о чем не беспокоиться, думала на тот момент она. Ведь Кити умница, она ни за что не допустит возникновения ситуации, в которой ее образование было бы поставлено под угрозу. В этом мать Кити была уверена на сто

процентов. Но это касалось только непосредственно учебного процесса. А вот в отношении дел сердечных никто такой гарантии дать не мог. Ведь Кити породой была вся в мать, страстная эмоциональность которой порой зашкаливала иногда далеко за допустимые пределы. И тогда шквал неуправляемых эмоций ставил под угрозу долго вынашиваемые планы.

Так случилось в ее далекой молодости, когда она, окончив институт иностранных языков с красным дипломом, попала по распределению в МИД и имела перспективы самые блестящие. Но карьера, которую ей пророчили, так и не состоялась. Она влюбилась в отца Кити, вышла за него замуж и посвятила себя полностью семье. Сейчас она ни о чем не жалеет. У нее есть все, что может только пожелать женщина: любящий муж, красавицы и умницы дочери. Вот только две из них уже пошли по стопам своей матери. Дарья и Наталья, после окончания институтов сразу же вышли замуж и превратились в домохозяйек. С одной стороны это вроде бы и неплохо. Ее девочки не вскакивают ни свет ни заря и не несутся на службу, чтобы заработать на хлеб насущный. Но есть тут и немалые риски. Так, у Дарьюшки что-то не очень заладилось с мужем. Дело дошло едва ли не до разрыва. Только куда ей одной с пятью детьми? Стива, конечно, не оставит ее без своего участия, но деточкам нужен отец. И что станет с ними, если их мать начнет целыми днями пропадать на работе. Поэтому она и советовала дочери терпеть и нести свой

крест до конца, как бы тяжел он ни был. Раз она выбрала такой путь, то свернуть с него уже не так просто.

А вот Кити еще свободна в своем выборе и пока у нее есть право распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. Она бы хотела, чтобы младшая дочь воспользовалась им в полной мере, устроила свою жизнь так, чтобы ни от кого не зависеть, и воплотила бы все честолюбивые мечты матери, которые той так и не удалось осуществить. И это очень даже возможно, если Кити не поспешит с замужеством. Но Кити очень эмоциональна, она может пойти на поводу у своего сердца – и тогда, прощай учеба, карьера.

Мать Кити имела полное основание для такого беспокойства. С некоторых пор в их дом зачастил некто Вронский. Он сильно выделялся среди многочисленных поклонников Кити: молодых мальчиков, ее ровесников, которые роем вились вокруг нее словно мотыльки вокруг пламени. Но никто из них не представлял для Кити никакой угрозы. Их мотыльковая жизнь была слишком недолговечна. Они появлялись у них в квартире, а потом исчезали так часто, что мать Кити даже не утруждала себя запоминанием их имен. Зачем? Завтра или послезавтра Кити о них уже не вспомнит, как о случайно прочитанной книге.

Но Вронский стоял особняком среди всех этих поклонников-однодневок. Он был старше Кити на десять лет. Служил дипломатом в МИДе и в настоящее время, по его словам, ждал скорого назначения в одну из стран Западной Европы.

Вронский мог составить Кити блестящую партию, о таком муже можно только мечтать. Щербацкая видела, что ее девочка влюблена. Если Вронский сделает предложение Кити, она поедет за ним, и тогда прощай учеба! Вероятность такого исхода событий была велика, в этом мать не сомневалась. Но и даже с этим она готова была смириться. Пусть будет так. Лишь бы дочь была счастлива. Но вот будет ли счастлива она с Вронским? Что-то подсказывало ей, что нет. Глядя на этого прекрасно воспитанного, образованного и утонченного щеголя, она сомневалась в главном, что от него требовалось. В его способности любить ее дочь. Эти сомнения заставляли трепетать ее материнское сердце. Она хотела бы поговорить с Кити, предупредить ее. Вот только о чем предупредить, она и сама толком не знала, и от этого ей становилось тревожно и не хорошо на сердце.

Мать Кити часто делилась своими сомнениями и тревогами по поводу Вронского с мужем. Он выслушивал жену молча, снисходительно улыбался и неизменно отвечал, что все ее страхи, это не более, чем страхи курицы-наседки за своего неоперившегося птенца. Мать обижалась за такое сравнение, устраивала мужу сцены, демонстративно пила валерьянку, падала на диван и, прижимая платок к влажным глазам, с надрывом восклицала:

– Для чего я годами пестовала своего ребенка, скажи! Чтобы однажды пришел чужой человек и разбил ей сердце! Пусть он будет сто раз принц, но это не дает ему право де-

лать Кити несчастной.

— Не можешь же ты всю жизнь держать ее возле своей юбки, — удивлялся муж неразумной логике жены. — И почему он непременно должен сделать ее несчастной.

— Не знаю, я ничего не знаю, — расстраивалась Щербацкая, не находя разумных объяснений своим предчувствиям. — Наверное, это нервы. И правда, с чего она взяла, что он сделает ее несчастной? — решала она, наконец, и на какое-то время успокаивалась.

XII

Неожиданная встреча с Левиным в ночном клубе вызвала у Кити целый поток разнонаправленных чувств. Она почти сразу поняла, что он появился там не случайно, он искал ее и не просто так. Несмотря на молодость, у нее уже был определенный женский опыт, который насчитывал несколько романов. Не особенно длительных, но уж точно в чем-то поучительных. Они помогли ей лучше понимать мужчин. Это совсем не означало, что она стала хорошо разбираться в этом таинственном племени, однако и перестала быть совсем наивной дурочкой, какой была еще совсем недавно. По крайней мере, по выражению их лиц, произносимым словам, по поступкам научилась с определенной долей вероятности вычислять их намерения. И эта не слишком длительная встреча с Левиным принесла в ее душу сильное волнение. То, что он был влюблен в нее, при взгляде на него это было бы ясно и ребенку. Но влюбленных в нее юношей и мужчин было на ее счету уже немало, и она не слишком серьезно относилась к этому. Она уже поняла простую истину: сегодня мужчина влюблен, а после того, как переспит с женщиной, любовь нередко быстро испаряется. Об этом ей неоднократно говорили ее подруги. И с тем же самым она сталкивалась и на собственном примере. Нельзя сказать, что ее это уж слишком сильно расстраивало; что делать, если жизнь такова. Да

и те, с кем она встречалась, кроме краткосрочного всплеска эмоций ничего другого не порождали.

Но с Левиным все обстояло иначе. Во-первых, Кити сознавала, что как-то непонятно относится к нему. Нет, о любви не могло быть и речи, он был явно не герой ее романа. Когда она мечтала о своем герое, то в воображении появлялся иной тип мужчины, совсем не похожий на Левина. Но и его она не могла полностью сбросить со счетов, периодически его образ чаще всего неожиданно всплывал в ее сознании. Почему это происходило, Кити не знала, да и особенно и не делала попыток понять. Но если бы ей задали такой вопрос, она, подумав, скорее всего, ответила, что он не похож ни на кого из тех, кого она знала. Левин выделялся из ее среды, и это с одной стороны отпугивало девушку, а с другой – привлекало к нему. Но в любом случае у нее и мысли не возникало когда-нибудь выйти за него замуж. Что они будут делать вместе? Она любит веселую, в том числе ночную жизнь, а он, поди, рано ложится спать и рано встает. Он же занимается сельским хозяйством, значит, от него может еще и пахнуть навозом.

О сельском хозяйстве Кити имела смутное представление, даже, несмотря на то, что бывала в сельской местности. Но там она восхищалась природой, от души веселилась на просторе, с наслаждением пила парное молоко. Этих представлений ей для жизни вполне хватало, большего она знать не желала и не стремилась. А с Левином же ей пришлось бы

погрузиться в эту среду несравненно глубже. Иначе, о чем им тогда говорить? То, что ей интересно, то, что ее волнует, ему безразлично, а его интересы от нее далеки, как от земли Млечный путь. Но при этом Кити не хотела рвать с ним, инстинктивно она ощущала, что он не просто хороший, а лучше многих из тех, кто ее окружает. Хотя, что с этим делать, по большому счету не представляла.

Но вот что беспокоило ее, так это предчувствие, что в самое ближайшее время должно что-то непременно случиться, приезд Левина в Санкт-Петербург, его появление в ночном клубе, не случайно, а звенья одной цепи. А в ее основе лежит она, Кити.

Впрочем, все эти мысли не слишком долго бороздили в ее голове, другие заботы быстро вытеснили их. Но, как оказалось, не надолго.

Левин пришел к Щербацким ближе к вечеру. Одет он был в свой лучший костюм, с красивым галстуком, который он купил незадолго до визита. Она сама ему открыла дверь и почему-то так смутилась, что даже покраснела.

– Костя, как хорошо, что ты пришел, – сказала она, не до конца понимая, смысла своих слов.

– Да, вот, можно сказать, без приглашения, – пробормотал он, не сводя с нее глаз.

– Да, какие тут приглашения, мы же свои люди, – успокоила его девушка. – Проходи.

Кити провела его в гостиную, посадила в кресло.

– Посиди тут немножко, я сейчас принесу чай. Или кофе?

– Мне все равно. Впрочем, лучше чай.

Кити улыбнулась и исчезла. Левин остался один, он осматривал знакомую комнату, но почти ничего не видел вокруг себя. Мысленно он уже в десятый, а может, и в тридцатый раз повторял слова предложения. Весь день он твердил их, как пономарь молитву. И вот настал момент, когда их следовало произнести вслух.

Кити вернулась, неся на подносе две чашки чая и варенье в розетках. Она села рядом с ним, но при этом между ними сохранялось некоторое расстояние. И это почему-то не понравилось Левину, наполнило его дурным предчувствием. Впрочем, оно не отпускало его целый день.

– Расскажи про свои дела? Зачем приехал в город? – поинтересовалась она.

– Я приехал, я приехал... – Он замолчал. Пора было говорить то, ради чего он пришел в дом Щербацких, а в горле стоял гигантский ком. Левин сделал большой глоток, ком стал немного меньше. – Я приехал из-за тебя, – вдруг твердо проговорил он.

– Из-за меня? – удивилась Кити.

– Я пришел не просто так, я пришел с определенным намерением.

Кити на секунду почувствовала, что ей не хватает воздуха.

– И что за намерение?

– А ты не догадываешься?

– Нет, – не совсем искренне ответила она.

Левин едва заметно вздохнул. Он был бы рад, если Кити хотя бы немножко ему помогла.

– В общем, я много думал о нас. Хотя, может быть, и не имел на это право.

– Но почему же, каждый может думать о чем угодно, – быстро вставила реплику Кити.

Левин благодарно посмотрел на нее.

– Вот я и воспользовался этим правом. Все мы склоны к самообольщению. И я этим грешу, особенно по вечерам, когда наступают свободные минуты. И тогда я особенно остро ощущаю свое одиночество. Хочется, чтобы рядом была любящая женщина. Жена. Ты понимаешь меня, Кити?

– Да, конечно, это совершенно нормальное желание.

Слова Кити несколько обескуражили Левина, он надеялся немного на иную реакцию.

– Мне так приятно, что ты меня понимаешь. Но когда я представлял эту гипотетическую женщину, то неизменно возникал твой образ.

– Мой?!

– Да, Кити, твой. И однажды я окончательно понял: либо ты, либо никто.

– Но зачем же так категорично, Костя. В мире столько достойных женщин.

– Да, достойных женщин много, – упавшим голосом произнес он. Не так должна реагировать женщина, которой дела-

ют предложение, если она согласна его принять. Но он решил все же завершить начатое. Определенность лучше неопределенности. — Но мне не нужно много, я такой человек, мне нужна только одна. Я знаю, однолюбы сегодня смешны, они выглядят чужаковато.

— Вовсе нет, — немного даже испуганно вставила Кити.

— Нет, именно так, — не согласился с ней Левин. — Но я такой, какой есть. И меня надо любить или не любить именно таким.

— Но, конечно же, любить, тут и сомнений нет.

— Ты так думаешь? — В нем зажегся слабый огонек надежды.

— Да.

Левин решил, что пора произносить самые главные слова.

— Я хочу, чтобы этой женщиной была бы ты. И никто другой. Будь моей женой и матерью наших детей.

Кити держала в руки чашечку с чаем, она дрогнула и пролилась ей на джинсы.

— Это очень неожиданно, Костя, — пролепетала она.

— Неожиданно, — разочарованно протянул Левин. Он подумал, что любая женщина знает, что мужчина намерен сделать ей предложение, и готовится к этому. И Кити так же не могла этого не чувствовать.

Кажется, Кити поняла, что сфальшивила. Она дотронулась до его руки.

— Костя, дорогой, я не готова. Я не знаю... — Она замол-

чала, так как, в самом деле, не знала, как тактичней ему отказать. – Я еще совсем молода. Мне надо учиться.

– Я не буду этому мешать. Создам все условия.

Взгляд Кити заметался по комнате, словно она пыталась найти кого-то, кто бы мог ей помочь.

– Нет, я не могу! – вдруг воскликнула она. – Ты очень хороший, но не мой! – На глазах девушки выступили слезы.

У Левина что-то оборвалось внутри, говорить было больше не о чем, все было предельно ясно.

– Извините, что отнял у вас драгоценное время, – произнес он подчеркнуто бесстрастным тоном. – Больше я вас своим присутствием не стану утомлять.

Он встал и направился к выходу из комнаты.

XIII

Уйти Левину не удалось, уже у самых дверей его обнаружила мать Кити.

– Константин Дмитриевич, вы уходите? Подождите, скоро к нам придут гости. Прошу вас, не спешить. Вас будет нам не хватать.

Левин нерешительно стал топтаться на месте. Ему хотелось уйти и хотелось остаться. Ему было больно находится рядом с Кити, но не менее больно расстаться с ней.

– А кого вы ждете? – поинтересовался он.

– Обещал нас навестить новый знакомый Кити, может, вы слышали о нем Алексей Кириллович Вронский.

Левин вздрогнул. Его вдруг охватило желание посмотреть на человека, который отобрал у него любимую женщину. Чем он лучше его, чем сумел прельстить девушку?

– Хорошо, остаюсь, – дал согласие он.

– Вот и прекрасно. Пойдемте в гостиную, – обрадовалась Щербацкая.

Левин вернулся в гостиную, из которой позорно бежал несколько минут назад. Кити была еще там. При виде Левина она побледнела, да и его лицо приняло какое-то каменное выражение. Щербацкая что-то почувствовала, она пристально смотрела то на дочь, то на гостя. Кажется, между ними что-то произошло, мысленно отметила она. И вряд ли это

что-то очень приятное. Но говорить ничего не стала, потом она попытается все узнать у Кити, решила она.

Она стала расспрашивать Левина про его сельские дела. Как всегда, когда его спрашивали про то, чем он занимался, он оживлялся, тем более, к некоторому его удивлению мать Кити задавала вполне разумные вопросы и беседа стала доставлять ему удовольствие. Но продолжалось это совсем недолго, так как в гостиную быстро вошла та самая странная девица, с которой он познакомился в ночном клубе. С его точки зрения выглядела она еще более отталкивающе, чем при первой их встрече. На ее голове был парик какого-то морковного цвета, на ней была неопределенной расцветки кофта и свободно болтающие на бедрах штаны, что делало ее фигуру рыхлой.

Как может такая изысканная девушка, как Кити, дружить с такой уродиной? – недоумевал Левин. Чувство отвращения, которое он испытывал при виде ее в первый раз, сейчас только усилилось.

Нордстон кожей ощущала к себе такое отношение Левина и платила ему той же монетой. Она с откровенным недоброжелательством смотрела на него, как на человека, забредшего не в свой круг. Нордстон демонстративно отвернулась от Левина и завязала разговор с Кити. При этом громко и вульгарно хохотала, и Левин не мог определить, делает она это, чтобы позлить его, показать ему свое презрение, либо для нее это естественная форма поведения. Он бы ушел, но

ему хотелось увидеть Вронского. Левин решил испытать сегодня горькую чашу до дна. Может, если он это сделает, ему станет легче в дальнейшем.

Когда в гостиную вошел молодой мужчина, Левин без всякого представления понял: это он. Не очень высокий, но стройный, с приятным умным лицом. Он был одет в простой, но такой элегантный костюм, что Левин сразу понял, что он в своем одеянии выглядит по сравнению с ним неотесанной деревенщиной. Впрочем, так оно в какой-то степени и было.

В комнате сразу же появилась Щербацкая, которая незадолго до этого куда-то вышла.

– Алексей Кириллович, рада вас видеть, – радушно сказала она. – Познакомьтесь, друг нашего дома Константин Дмитриевич Левин.

Соперники обменялись рукопожатием. Все дальнейшее окончательно потеряло для Левина смысл, то, что он проигрывает по всем параметрам Вронскому, сомнений у него больше не оставалось. Он даже одобрил выбор Кити; имея подобную альтернативу, такая девушка просто не может не отдать предпочтения этому человеку. Да и чем он, Левин, может привлечь ее, его интересы и заботы ей чужды. А во всем остальном он скучен, старомоден и, как говорят сегодня, не сексапильен. А вот от Вронского сексапильность так и прет. Конечно же, для молодой девушки это подарок судьбы.

– Что принц Альберт? – поинтересовалась Щербацкая.

– У него возникла идея устроить большой прием. И даже

ни сколько прием, сколько бал в староиспанском стиле, в костюмах тех лет. Будет интересно. Я принес вам приглашения.

Вронский достал из кармана несколько открыток и раздал присутствующим тут женщинам. Затем повернулся к новому знакомому.

– Я про вас слышал, вы занимаетесь аграрным бизнесом, – сказал он.

– Ваша информация верна, – подтвердил Левин.

– И как это сегодня?

– Очень сложно, приходится много работать. Все разрушено на корню. Нужно восстанавливать деревню шаг за шагом. Это процесс ни на одно десятилетие.

– Вы взвалили на себя тяжелый крест.

– То ли я взвалил, то ли он сам на меня упал. Просто однажды почувствовал, что должен этим заняться.

Левин внимательно смотрел на своего собеседника, пытается понять, нет ли в его словах иронии или насмешки. Но Вронский выглядел серьезным, кажется, он действительно так считает. И это до какой-то степени вызвало в Левине симпатию к нему.

В гостиную вошел хозяин дома. Судя по его виду, он только что откуда-то вернулся. Щербацкий внимательно всех оглядел, поздоровался со всеми и направился к Левину. С самых первых минут знакомства они стали симпатизировать друг другу. Хотя и занимались совершенно разными вещами, но Левин всегда ощущал какую-то родственную связь с

этим человеком. В чем-то они были очень похожи.

Они начали разговор, Левин участвовал в нем с удовольствием, но одновременно наблюдал за беседовавшей с Вронским Кити. Она и не скрывала своих чувств, они, как веснушки, все высыпали на ее лице. Таких счастливых глаз, как у нее, он, пожалуй, еще не видел никогда. Внутри у Левина все жгло, и он уже чувствовал, что это жжение пройдет не скоро. Лучше бы он не становился свидетелем этой сцены, он предвидел, что она будет возвращаться к нему еще много раз.

XIV

Когда Вронский вышел из дома Щербацких, было еще не так поздно. Он стал думать, куда же ему направиться. Идти на свою съемную квартиру не очень хотелось, там было скучно и одиноко. Правда, можно было пригласить Кити поехать туда с ним, никаких сомнений, что она бы согласилась, у него не было. Об этом красноречиво повествовали ее глаза, лицо, жесты и даже дрожащий от внутреннего напряжения голос. Вронский несколько не сомневался, что она влюблена в него по самую макушку. Ему было приятно, но не более, он понимал, что никаких глубинных чувств в нем она не возбуждала и не возбудит. Она чересчур молода, наивна, даже в чем-то простовата, хотя внешне кажется утонченной и изысканной. Но он слишком много в своей жизни благодаря работе встречал самых разных женщин и научился распознавать, где имеет место воспитание, а где эти качества даны от природы. Не умаляя достоинства Кити, в данном же случае речь идет о приобретенных свойствах. А это уже не так интересно, опыт подсказывает ему, что пройдет какой-то период времени, и эта изящная девушка превратится в скучную, одолеваемую бытом женщину. Таких примеров ему известно немало, он давно понял, что ничто так не портит даму, как семейная жизнь. За несколько лет многие превращаются в занудливых, скучнейших особ, убежденных, что муж —

это их законная добыча и собственность, с которой можно делать все, что заблагорассудится. И потом даже не знаешь, кого больше жалеть: жену или мужа? Но самое смешное или ужасное то, что зачастую они не понимают, как все это отвратительно смотрится со стороны. И невольно думаешь, что сделаешь все возможное и даже невозможное, чтобы самому не оказаться в точно такой же ситуации. Вот он и старается в нее не попадать.

Хотя с другой стороны рано или поздно жениться придется, в их ведомстве, даже в нынешнее суперпродвинутое время достаточно косо смотрят на холостых сотрудников. Особенно достигших определенного ранга. Ни первым советником посольства, ни тем более послом не обремененного семьей не назначат. А он нацелен на карьеру дипломата, значит, в ближайшем будущем придется подыскивать себе супругу. Не то, что эта перспектива его уж совсем огорчает, но за тридцать с гаком лет своей жизни так привык к свободе, что не представляет кого-то рядом с собой на постоянной основе. Иногда ему кажется, что долго он не сможет никакого терпеть. Один человек всегда ограничивает возможности другого, невольно вынуждает приспособливаться к нему. В этом плане ему достаточно и начальства, которому приходится все время угождать. А это совсем не в его характере; мама всегда упрекала его в чрезмерной независимости и свободолобии. Но уж он такой, как есть. И вряд ли его что-то может его изменить.

Внезапно Вронский даже замер на месте. Он совсем забыл, завтра же приезжает его мать. Скучно стало в Москве, вот и решила навестить сыночка, посмотреть, как он тут устроился. Да заодно и проведать, не завел ли кого? Она давно и регулярно пилит его за нежелание обзавестись семьей. У каждого свой пунктик, у его мамы – именно этот, не самый для него приятный. Но придется выдержать этот приступ, на кону ни больше, ни меньше, его личная жизнь.

Да, но он так и не решил, куда же направиться? Перед приездом мамы надо провести по возможности максимально приятный вечер. Вронский стал мысленно перечислять варианты. Знает он один ночной клуб, где в отличие от других подобных заведений собирается весьма приличная публика. В том числе и женщины, с некоторыми посетительницами у него заводились недолгие, зато приятные отношения. Вот туда он и поедет.

Вронский ощутил прилив эмоций. Впереди его ждет приятная ночь. Он поднял руку, чтобы остановить пролетающие мимо такси.

XV

Вронский прибыл на вокзал минут за десять до прихода Сапсана. Встречающих было много, и он двинулся в плотной толпе людей к перрону. Если быть честным, а Вронский по-возможности старался быть честным с самим собой, он бы предпочел это утро провести как-нибудь иначе. Голова была тяжелая. И не удивительно, если иметь в виду, сколько он вчера выпил в клубе и в каком часу лег спать. Но все неприятности стоили того, он с удовольствием вспоминал свою ночную знакомую. Да, таких женщин не так уж и много, умеет она зажигать. Жаль только, что в самый последний момент неожиданно ускользнула от него, когда он уже был готов везти ее в свое холостяцкое гнездышко. Почему она так неожиданно скрылась, Вронский не понимал. Хуже всего, что эта неудача еще не зарубцевалась в душе, напоминала о себе неприятными воспоминаниями. Может, стоит еще раз сходить туда и попытаться ее найти?

Он стал размышлять на эту тему. Но в его мысли вклинился чей-то голос.

– Вронский, Алексей! – услышал он.

Вронский посмотрел по сторонам и буквально в нескольких шагах от себя обнаружил Степана Облонского, мужа сестры Кити. Они были не слишком хорошо знакомы, виделись пару раз у Щербацких. Он оставил у него какое-то

неопределенное впечатление – человека без стержня. А таких Вронский не слишком жаловал, такие люди подобно флюгеру, поворачиваются вместе с ветром. На них в серьезных делах опасно положиться; ветер сменится – и они предадут. Впрочем, к счастью никаких дел у него с ним и не предвидятся. Что же касается просто общения, то почему бы и не поговорить, в этом плане он вполне приятный собеседник.

– Стива, здравствуйте! Рад вас видеть. Что вы тут делаете? Облонский загадочно улыбнулся.

– Встречаю женщину, – ответил он.

– Вот вы какой! – воскликнул Вронский, но не в осуждении, а просто так, лишь бы как-то отреагировать на его слова.

– И какую женщину, умницу, красавицу. Таких мало на свете.

– Да? – Вронский был слегка заинтригован. – Интересно было бы взглянуть хоть бы одним глазком на такое чудо.

– Сейчас взгляните. И спорим на все, что угодно, не останетесь равнодушными.

– Хорошо, посмотрим, кто эта ваша дама сердца.

Облонский тихо вздохнул.

– Увы, это не дама сердца, хотя все, что я о ней только что говорил, святая правда. Это моя родная сестра Анна. А вы кого встречаете?

– Маму.

В этот момент показался поезд. Его обтекаемое тело быстро приближалось к перрону.

– У вас какой вагон? – поинтересовался Стива.

– Пятый.

Облонский немного удивленно взглянул на Вронского.

– Как ни странно, но и у меня пятый. Наши дамы прибывают в одном вагоне.

Вронский и Облонский вошли в вагон. И почти сразу обнаружили двух дам, они сидели на соседних креслах, и о чем-то говорили. Завидев мужчин, почти одновременно вскрикнули:

– Алеша! – раздался немного скрипучий голос матери Вронского.

– Степа! Рада тебя видеть, – произнесла с улыбкой Анна.

Анна и Вронский одновременно посмотрели друг на друга. Вронский подумал, что Стива не преувеличивал, живописуя достоинства своей сестры. Действительно очаровательная женщина. И с каким вкусом одета!

Стива и Анна поцеловались в щеку.

– Да, Аннушка, познакомься, это Вронский, он дипломат. Мы с ним иногда встречаемся у Щербацких.

– Алексей Кириллович, можно просто Алексей, – представился Вронский.

– Анна Аркадьевна. Можно просто Анна, – чуть-чуть насмешливо улыбнулась Каренина. – А мы с вашей мамой почти целую дорогу говорили только о вас.

– Да, это так, – подтвердила Вронская. – Я жаловалась Анне Аркадьевне на тебя, что ты не хочешь жениться и пода-

рить мне внука, а можно и двух.

– Я хочу жениться, мама, – возразил Вронский. – Просто пока не встретил ту, которая бы побудила бы меня сделать конкретные шаги.

– Вот эти слова я слышу от него уже много лет, – пожаловалась Вронская Анне. – Подскажите, милая, что с ним делать?

– Пусть останется все, как есть, – со смехом ответила Анна. – Однажды он встретит такую женщину.

– Милые дамы, пора срочно покидать вагон, – вмешался в разговор Стива. – Мы и так тут остались одни.

Мужчины подхватили чемоданы своих дам и все вышли на перрон.

Они уже направились к зданию вокзала, как вдруг раздался какой-то шум, целый отряд полицейских промчался мимо них.

– Алеша, что случилось? – с тревогой спросила мать.

– Не знаю, идите в здание вокзала и подождите меня там. А я попробую узнать, в чем дело?

Вронский вернулся к ним минут через пятнадцать.

– Ну что? – почти одновременно спросили обе женщины.

– Кажется, поймали террористку, у нее был на себе пояс шахида. Я сам видел, как его снимали саперы.

– Она хотела нас взорвать? – с испугом воскликнула Вронская.

– Возможно, – сдержанно подтвердил сын.

– Нас могли убить, – повернулась Вронская к Анне.

Анна стояла молча, она слегка побледнела и смотрела на Вронского.

– В наше время это обычная вещь, теракты происходят во всем мире, – пожал плечами Вронский.

Его мать все никак не могла успокоиться, она что-то испуганно говорила, Анна обняла ее за плечи.

– Прошу вас, успокойтесь, ничего же не случилось с нами. Все живы и здоровы. Лучше пойдемте быстрее отсюда.

– Конечно, – подтвердил Стива, – самое лучшее сейчас – это уйти с вокзала. – Я на машине, вас всех повезу.

Все четверо быстро направились в сторону привокзальной площади.

XVI

Долли сидела в гостиной и наблюдала, как Гриша занимается музыкой. Она не пускала его гулять, пока он не отыграет обязательные два часа ежедневных занятий. Долли знала, что Гриша ждет не дождется, когда же истекнут эти ненавистные сто двадцать минут, и он сможет, наконец, убежать на улицу. До конца занятий оставалось совсем немного, но Долли была неумолима: он должен был отыграть все положенное время. Гриша нажимал пальчиками по клавишам, но, несмотря на свои старания, все равно сбивался. Взяв не ту ноту, он тут же поправлялся, но попадал в такт со второго, иногда с третьего или четвертого раза. Долли жутко раздражали его ошибки. Она находила игру сына глубоко символической. Вот точно также звучала мелодия их брака со Стивой: коряво и фальшиво.

Отчего, почему так произошло? Долли пыталась найти ответы на эти вопросы все дни, после того, как она уличила мужа в измене. Как только прошли первые волны эмоций гнева, ненависти, обиды и злости, она попыталась разобраться в чем причина ее несчастья, откуда проистекают его корни. Долли крутила эту проблему и так и эдак и каждый раз приходила к одному и тому же выводу: она не виновата. Она все сделала для того, чтобы стать для Стивы образцовой женой. Пять детей ему родила и не потому, что так страстно хотела

стать матерью. А только для того, чтобы привязать к себе мужа, как можно крепче, сделать их связь практически нерасторжимой. Сама по себе функция деторождения не была для нее насущной потребностью, а представлялась скорее неотъемлемой частью роли жены. Ее же внутреннее стремление быть супругой, напротив, воспринималось ею, как жизненно важная необходимость. Сколько Долли себя помнила, она всегда желала в первую очередь лишь одного – быть женой. С самого раннего детства в отличие от своих подруг, с увлечением играющих в дочки-матери, катающих своих кукол в коляске или кормящих и укладывающих спать своих «детей», Долли никогда не испытывала потребности в подобных играх. Она играла в другую игру. Уже в дошкольном возрасте маленькую Долли можно было увидеть дома, провожающую или встречающую своего отца с работы. Стараясь быть, «как большая», она сопровождала отца до двери, ощущая и воспринимая его, как супруга. Часто именно Долли дарила свой поцелуй, спешащему на службу Щербацкому вместо матери, которая в это время была занята с младшей дочерью.

Долли поливала цветы, чтобы пришедший с работы отец похвалил ее, или подавала на стол обед, потому что папа был голоден. В такие минуты она представляла себя маленькой хозяйкой своего дома, бессознательно вытесняя родную мать с ее законного места. Позднее, став девушкой это неистовая потребность найти своего супруга подтолкнула ее к раннему браку. Ее инстинкт замужества просто зашкаливал. Магнит

страстного желания выйти замуж очень быстро притянул в жизнь Долли потенциального мужа, несмотря на сильное сопротивление матери, которая не хотела отпускать дочь от себя так рано, Долли настояла на этом супружестве, пригрозив, что убежит из дома или выйдет замуж за первого встречного, если она откажет ей в своем родительском благословении. Матери пришлось покориться.

Сыграли свадьбу, и Долли стала законной женой своего супруга. Как она была счастлива! Стива Облонский сделался ее обожаемым мужем. Свой союз с ним она почитала, как священный. День своего бракосочетания Долли считала самым значительным в своей жизни. Теперь она стала женой, что означало осуществление ее желания настолько долгого, насколько помнила она себя. Ее стремление к целостности через этот союз, наконец, было удовлетворено. Оставалось служить своему мужу верой и правдой, что Долли и делала. Она получала удовольствие, делая супруга центром своей жизни.

Каждый в их семье знал, что муж для нее – самый главный человек. Их дети хорошо усвоили этот урок: лучшее всегда приберегается матерью для отца и надо быть тише воды и ниже травы, когда папа устал или отдыхает. Таков порядок был заведен в их доме, и Долли, словно дневальный, с ревностью следила за его исполнением. Она считала, что все в ее жизни уже определено и идет, как надо. Она и помыслить не могла, что счастье ее очень хрупко и зависит, в первую

очередь не от преданности ее мужа, а от степени важности, которую он придает их браку и особенно ей самой.

Все рухнуло, как карточный домик, в один момент. Смертельно раненная его предательством и униженная тем, что все ее жертвы ради него ничего в его глазах не стоят, Долли стала одержима мыслью об отмщении. Он должен страдать, так же, как и она, а лучше еще больше. Но в то же время она отдавала себе отчет, что не представляет свою жизнь вне роли жены своего мужа. Она настолько срослась с ней, настолько чувствовала себя в ней комфортно и удобно, что готова была пойти на компромисс, который бы позволил ей осуществлять и дальше самую большую потребность своей жизни. Она мучительно искала такую возможность, смутно ощущая ее в том, что дальнейшее ее счастье зависит не от преданности мужа, а от степени важности, которую он придает их браку и от его оценки ее, как жены. Но пока эти мысли бродили в ней только на уровне неясных ощущений, не прошедшая обида на мужа, не позволяла принять их как руководство к действию. Кто-то извне должен был донести их до ее сознания, и тогда она сумела бы опереться на них, как на фундамент, на котором смогла бы в дальнейшем возводить свое разрушенное семейное счастье.

XVII

Долли думала о наболевшем и ждала, что вот-вот дверь откроется и войдет Анна. Она должна была приехать сегодня утренним поездом. Стива поехал за сестрой на вокзал и, судя по времени, они уже где-то рядом с домом. Долли хотела встать и подойти к окну, чтобы не пропустить момент, когда машина мужа с гостьей подъедет к воротам, но, запутавшись в лабиринтах своих мыслей, пропустила эту минуту. И от того, что Гриша еще играл, Долли не слышала легких шагов на лестнице. Она посмотрела на часы. Стрелки показывали двенадцать.

— Довольно, — скомандовала она сыну. — На сегодня достаточно.

Мальчик тотчас же с визгом побежал вон из комнаты. Он распахнул дверь и тут же столкнулся с Анной, входящей в этот самый момент в гостиную. Гриша чуть не сбил ее с ног. Анна засмеялась и подхватила мальчугана на руки, прижала его к груди и начала целовать.

— Гриша, Гришенька, — повторяла она, задыхаясь то ли от быстрой ходьбы, то ли от смеха, — Как же ты вырос. — Мальчик, не ожидавший оказаться на руках незнакомой тети, отчаянно вырывался. Анна аккуратно поставила сорванца на пол и присела перед ним на корточки. — Ты помнишь, меня, помнишь? — спрашивала она, заглядывая ему в глаза и пы-

таясь вновь чмокнуть его в упругую щечку.

– Не помню, – пробурчал недовольный Гриша и, рванувшись из ее рук, побежал прочь.

Анна поднялась и, улыбаясь, приблизилась к Долли. Женщины обнялись и расцеловались: Долли немного отстраненно и сдержанно, Анна страстно и порывисто. Долли уловила легкий аромат дорогих духов и, прикинув в уме, сколько они могут стоить, горько вздохнула. Она никогда не умела пользоваться духами просто так, в дорогу. Для этого ей обязательно нужен был веский повод. Только ради мужа она могла позволить нанести несколько капель дорожной влаги за ушки.

– Проходи, садись, – Долли усадила гостью на диван.

Анна скинула шарф с плеч и растрепала волосы. Черные кудри рассыпались по ее плечам, выгодно оттеняя фарфоровую матовость кожи щек и шеи. Лицо Анны, словно подсвеченное изнутри, сияло такой красотой и свежестью, что Долли сделалось досадно. Досадно за себя. По возрасту они приблизительно ровесницы, но Долли выглядела гораздо старше Анны. Долли спрятала пальцы рук, чтобы не видно было отсутствие маникюра. Пальчики Анны с ярким лаком на ногтях, напротив, порхали, как легкие бабочки вокруг лица, то поправляя непослушную прядь волос, то расправляя складки модного платья, ладно сидевшего на ее стройной фигуре. Долли рассматривала гостью краем глаза, чтобы той не было заметно ее откровенное любопытство. То, что она видела,

унижало Долли, как женщину. Перед ухоженной и холеной Анной, она чувствовала себя золушкой, замарашкой, к тому же обманутой мужем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.